

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Джон Патрик
Бальфур

ШЕСТЬ СТОЛЕТИЙ
ОТ ВОЗВЫШЕНИЯ
ДО УПАДКА

XIV — XX ВВ.

Джон Патрик Бальфур

**Османская империя. Шесть
столетий от возвышения
до упадка. XIV–XX вв.**

«Центрполиграф»

УДК 94(560)

ББК 63.3(5)

Бальфур Д.

Османская империя. Шесть столетий от возвышения до упадка.
XIV–XX вв. / Д. Бальфур — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5262-6

Известный английский писатель-историк Джон Патрик Бальфур на страницах своей книги воссоздает историю Османской империи от основания на рубеже XIII–XIV вв. до распада в 1923 г. Авторитетный востоковед, известный в научном сообществе как лорд Кинросс, прослеживает становление цивилизации воинственных кочевников и стремительное возвышение государства Османов до величайшей империи в мировой истории, которая простиралась от Дуная до Нила и от Алжира до Каспия, где процветали искусства, развивались науки и ремесла, не угасала философская мысль и процветало богословие. Живо и ярко автор рассказывает о повседневной жизни турок-османов, создает точные правдоподобные портреты султанов, их жен и наследников, позволяет заглянуть за узорчатые врата гарема. Особое внимание историк уделяет противостоянию Блистательной Порты с империей Габсбургов и Россией, которое, наряду с освободительным движением на Балканах и ошибками во внутренней политике, стало причиной распада Османской империи и провозглашения Турецкой республики.

УДК 94(560)

ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-9524-5262-6

© Бальфур Д.
© Центрполиграф

Содержание

Пролог	7
Часть первая. Рассвет империи	11
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джон Патрик Бальфур
Османская империя. Шесть столетий
от возвышения до упадка. XIV-XX вв.

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2017

Пролог

Вдоль бескрайних евразийских степей, от границ Китая на запад через Туркестан и дальше, на протяжении многих веков катились волны кочевых народов. Пастушеские, скотоводческие общины, живущие в шатрах, наездники и погонщики верблюдов, занимающиеся разведением и откормом отар и стад, в свою очередь предназначенных кормить и одевать их, они перемещались от пастбища к пастбищу в зависимости от времени года, периодически продвигаясь все дальше в поисках лучших земель или же стремясь уйти от теснивших их сзади других кочевников. Иногда они обменивали свои продукты животноводства на продукты городских жителей и земледельцев, реже переходили к оседлому образу жизни в орошаемых оазисах. Эти степные кочевники, вынужденные, ради поддержания скотоводческой экономики, круглый год воевать с силами природы, объединившись в племенные союзы, развили свои особые навыки, ремесла, общественные институты и обычаи.

Среди них широкое распространение получил активный народ, ставший известным под именем турок. Для китайцев и других соседей они были ту-кюэ, или дюр-кё, воинственное племя, взявшее свое имя (так утверждают) от названия холма, расположенного в местах их обитания и своими очертаниями напоминавшего шлем. Отождествляемые на ранней стадии с гуннами, турки близки по происхождению к монголам и к народам, которые позже стали известны как финны и венгры.

В VI веке они поработили другой родственной им народ, чтобы установить свое господство над территорией, ставшей известной как Монголия. Оттуда они распространились по обширному участку степи в северном, южном и западном направлении и основали империю кочевников – крупнейшую из всех доселе известных. Теряя единство по мере расселения, они тем не менее сохранили отчетливые расовые и языковые признаки. Их чувство общности было настолько сильным, что в своем языческом поклонении земле, воздуху, огню и воде они считали силы природы тоже турецкими. Миновав стадию примитивного пастушеского варварства, турки создали в рамках патриархального кланового общества свою собственную цивилизацию с правителями. И она была чем-то большим, чем просто старейшины племен и вассальные племена под их властью.

В начале VIII века племена, которые ушли на запад, – их называли огузами, и вел их легендарный Серый Волк, а предводителями были в основном вожди из клана Сельджуков, – достигли Самарканда, что в Трансоксиане, чтобы установить свое господство над западной частью Центральной Азии. Одновременно другая расселявшаяся народность – арабы из Исламского халифата – двинулись из Аравии на север и восток, чтобы покорить империю персов. Сила турок уступила им. Но торговые и культурные связи между двумя народами сохранились. Взаимовыгодная торговля велась вдоль караванных путей дополняющими друг друга продуктами растениеводства и животноводства. А начиная с IX века турки стали отказываться от своих языческих верований и принимать ислам.

Арабы быстро разглядели боевой дух этого тюркского народа. Помимо таких моральных качеств, как стойкость, самодисциплина и прозорливость, кочевой образ жизни воспитал в них боевой дух, привычку к мобильности, умение ездить верхом и потрясающее обращение с луком при верховой езде. И армии халифата Аббасидов начали нанимать турок в свои ряды, причем те, кто обратились в мусульманство и получили статус старших рабов, могли рассчитывать на повышение по службе. И к концу IX века большинство военных должностей, а также многие политические посты в Арабской империи оказались занятыми турками-мусульманами. По мере упадка Арабской империи в XI веке династия турок-сельджуков заполнила вакуум своей собственной империей, исламским государством, опиравшимся на традиции халифата Аббасидов и вобравшим в себя другие тюрко-мусульманские образования. Сделав лук и стрелу сим-

волом власти, сельджуки распространили свое господство на Персию, Месопотамию и Сирию. Так народ кочевников-степняков перешел к жизни в статичном окружении.

В отличие от других известных в истории кочевых народов – гуннов, монголов, эфемерных аваров – турки-сельджуки оказались достаточно устойчивыми и продуктивными, чтобы достойно ответить на вызовы оседлой жизни. Приспосабливая свои собственные традиции и институты к требованиям оседлой цивилизации, они проявили себя как строители империи, обладавшие конструктивным чувством государственности, внося весьма позитивный вклад в историю, пока старый мусульманский мир перестраивался для новой фазы социального и экономического, религиозного и интеллектуального движения вперед. Пастухи и воины степей стали городскими жителями – администраторами, купцами, производителями, ремесленниками, держателями земли и пахарями, строителями дорог, караван-сараяв, мечетей, школ и больниц. Теперь они развивали и поощряли ученость – философию и науки, литературу и искусство, в чем им показывали пример персы и арабы до них. Тем не менее вне оседлой, централизованной жизни Сельджукского государства сохранялось значительное и, по существу, автономное население турок, которое по-прежнему вело кочевой образ жизни. Объединяясь в союзы с другими скотоводческими племенами, многие из которых оставались язычниками, они составляли особенно воинственные группы, которые первоначально были оплотом вооруженных сил сельджуков. Теперь они разоряли заселенные провинции и беспокоили центральное правительство своими неконтролируемыми хищническими действиями. Образуя, по сути, общество обособленное от государства, со своей собственной культурой и диссидентскими взглядами, они стали называться обобщенно туркмены (туркоманы), хотя, если говорить строго, это определение применимо только к их мусульманским элементам.

Доминирующими среди этих людей были гази, святые «воины веры», являвшиеся продуктом более раннего народного движения. Набиравшиеся из разношерстной толпы добровольцев, зачастую бродяг, беглых, недовольных и безработных, ищущих средства к существованию, они имели своей задачей борьбу с «неверными», а главным их побудительным мотивом был грабеж. Они традиционно сражались, как воины пограничных территорий, совершая набеги за пределы мусульманского мира. В XI веке они стали действовать на западе, на подвижных границах между империями сельджуков и Византии, в Малой Азии. Здесь им противостояли группы греческих воинов-акритов – жителей пограничных местностей, также занимавшихся набегами и столь похожих на турок в своих традициях ведения войны и изоляции от любой центральной власти, что их зачастую нельзя было рассматривать иначе как братьев по оружию. Прочие многоликие туркменские элементы тоже двигались к границам в поисках новых пастбищ. Они присоединялись к гази в рейдах через границы именно в то время, когда защита Византии стала ослабевать.

В намерения сельджукских султанов, старавшихся завоевать лежащую на юге мусульманскую империю, не входило стремление к войне с христианской Византией, нейтралитет которой обеспечивал их сирийский фланг. Тем не менее они оказались втянутыми в нее, и это было свершившимся фактом, по большей части из-за объединения сил воинственных гази и мародерствующих туркмен. Правительство сельджуков было вынуждено считаться с этим и, где возможно, стремилось обратить в свою пользу. Султан сельджуков Тогрул таким образом повернул «святых воинов» от разграбления своих же мусульманских провинций в направлении последовательных кампаний против христианского государства Армении, диссидентской пограничной провинции Византии. Здесь их успех в сражениях дополнялся многочисленными набегами с постоянно нарастающей жестокостью; они проникали из Восточной в Центральную Анатолию и даже достигли берегов Эгейского моря.

За эти действия византийский император Роман IV Диоген чувствовал себя обязанным отомстить. В попытке восстановить контроль над Арменией он предпринял против турок поход с неоднородной армией, состоявшей в значительной мере из иностранных наемников. Резуль-

татом стало поражение императора в 1071 году и его пленение сельджуком султаном Алп Арсланом (Бесстрашным Львом) в исторической пограничной битве при Манцикерте. Это сражение навсегда осталось в памяти греков как «ужасный день», историческое столкновение между двумя империями и двумя верами. Оно раз и навсегда открыло туркам дорогу в Малую Азию.

Битва при Манцикерте имела серьезные последствия для будущего. Однако в настоящем она не повлекла за собой резкого изменения ситуации на завоеванных землях. Это была победа, к которой стремились и которую одержали воинственные мусульманские нерегулярные войска, а не регулярные армии государства сельджуков. Ее непосредственным реальным результатом стало распространение из восточной части Малой Азии на ее центральную часть смешанной приграничной цивилизации гази. Туркменские кочевники теперь уверенно двинулись на новые земли, не имея преграды в виде границы.

Их образ жизни и культура были схожими для завоевателей и поработанных, включая анатолийцев и армян, которые не рассматривали турок как абсолютных чужаков. «В реальности исчез только византийский глянец, – пишет Пауль Виттек, – который позднее сменился исламским. Нижний слой сохранился». Да и само государство сельджуков, все еще нацеленное на мусульманский мир, не слишком торопилось довести до конца завоевание части Византии. После освобождения плененного императора сельжукские правители довольствовались формальной оккупацией захваченных районов под началом сельжукского принца по имени Сулейман. Тем временем, ближе к концу XI века, в Малую Азию был совершен Первый крестовый поход, обусловивший появление между мусульманами и христианами подвижной границы.

Только в середине XII века сельджуки отвернулись от старого мусульманского мира, чтобы построить в Малой Азии по мусульманскому образцу и на прочной основе упорядоченное княжество со своей собственной династической линией султанов, управлявших Центральной Анатолией из своей столицы в Конье. Их династия стала известна другим мусульманским державам как Румский султанат. По-арабски они были «Цезарями Рима», что предполагало наследование этого остатка «Римской» империи. Сами византийские христиане после битвы при Мириокефалоне, век спустя после Манцикерта, продолжали править в Западной Анатолии за согласованной границей, или «пограничной зоной», поддерживая мирные отношения с объединенным государством сельджуков. Так, сельджуки Рума, опираясь в исламском мире на престиж своего императорского происхождения от Великих Сельджуков Персии, развились в сильное, процветающее государство, достигшее своего зенита в первой половине XIII века.

Однако оно оказалось недолговечным. На него обрушилось новое и еще более взрывоопасное нашествие кочевников – родственных сельджукам монголов. Они хлынули в евразийские степи, как это некогда сделали сами турки, проникнув на севере в Россию, на востоке – в Китай, на западе – в Азию, со всех сторон охватывая мусульманский мир. Монгольское вторжение в начале века было предпринято Чингисханом и теперь продолжалось его преемниками. Турецкие кочевники бежали перед ними, пока новые орды туркмен и военные отряды не рассеялись по Малой Азии, создавая напряженную обстановку в государстве сельджуков Коньи. По пятам в свирепом натиске шли армии монголов. В 1243 году они разбили до тех пор считавшуюся непобедимой сельжукскую армию, хотя и усиленную вспомогательными частями византийцев и профессиональных наемников, у Кесе-Дага, между Сивасом и Эрзинджаном, и продолжали захватывать земли и города – чем больше, тем лучше. Весь ход истории Малой Азии был изменен за один день. Власть сельджуков Рума, как и Великих Сельджуков Персии, больше не существовало. Султаны Коньи превратились в вассалов монгольского протектората, которым в то время правил Хулагу. Власть монголов как таковая, подобно власти других кочевых народов над оседлым обществом, оказалась эфемерной, продержавшись в Малой Азии на

протяжении жизни всего одного поколения. Но власть, которая пришла им на смену, уже не была властью сельджуков.

В этот отрезок времени жизнь в большей части Малой Азии вновь вернулась к образу жизни старой пограничной цивилизации, независимой от любой центральной власти. Воины пограничных областей снова оказались на коне, совершая набеги и даже захватывая без помех города, расположенные вдоль пограничной зоны Византии. Вскоре они получили подкрепление не только от туркменских племен, как это бывало и раньше, но и от групп беженцев из бывшего Сельджукского государства и особенно от стороны «святых людей», шейхов и дервишей неортодоксального мусульманского вероисповедания, хлынувших в Малую Азию из Туркестана и Персии. Эти люди вновь зажгли энтузиазм к войне против «неверных». Теперь власть принадлежала гази. Используя преимущества, данные ослаблением обороны Византии, движимые, как и прежде, не только фанатизмом, но и потребностью в новых землях и военной добыче, не встречая существенного сопротивления даже со стороны своих «братьев-врагов» – акритов, оставшихся без поддержки со стороны расколотого и ненадежного греческого правительства, они хлынули, почти беспрепятственно, в Западную Малую Азию, большая часть провинций которой к 1300 году была Византией практически утрачена. Борясь за эти провинции между собой, вожди племен превратились в правителей примерно десяти заселенных гази княжеств. Одно из них – княжество Османа – волею судеб должно было вырасти в великую мировую державу, Османскую империю. Она заполнила пустоту, образовавшуюся в результате упадка и распада Византийской империи, и ей суждено было существовать, вместе с династией Османа, на протяжении более чем шести веков.

Часть первая. Рассвет империи

Глава 1

Легенды окружают раннюю историю Османской династии. Традиционно ее основателем считается вождь небольшого племени по имени Эртогрул, который, мигрируя с отрядом из четырех сотен всадников по Малой Азии, заметил битву двух неизвестных ему отрядов. Посоветовавшись со своими людьми, он решил поддержать проигрывавшую сторону, что изменило ход сражения и обеспечило ей победу. Это были войска сельджукского султана Ала-ед-Дина (Аладдина) из Коньи, которые сражались с монголами. Ала-ед-Дин вознаградил вождя Эртогрула земельным наделом вблизи города Эскишехира, где были земли для летнего и зимнего проживания в районе Сугута, к западу от Анатолийского плато. Впоследствии надел был увеличен в обмен на поддержку султана в другой битве – на этот раз против греков. Таким образом, легенда установила для османской линии законную связь с правящей династией, которая позже подтвердилась, когда султан даровал Осману, сыну Эртогрула, регалии суверенитета в виде барабана и стяга.

Легенды, характерные для династической мифологии в Средние века, и даже библейские хроники повествуют также о снах Эртогрула и его сына Османа. Согласно легенде, Осман однажды провел ночь в доме благочестивого мусульманина. Перед тем как Осман лег спать, хозяин дома принес в комнату книгу. Спросив, как называется эта книга, Осман получил ответ: «Это Коран, слово Божие, переданное миру Его Пророком Мухаммедом». Осман, судя по всему, начал читать книгу и продолжал стоя читать всю ночь. Он уснул ближе к утру, в час, согласно мусульманским верованиям, наиболее благоприятный для пророческих сновидений, и, действительно, во время сна ему явился ангел, который сказал: «Поскольку ты читал мое вечное слово с таким уважением, твои дети и дети твоих детей будут почитаться из поколения в поколение».

Следующий сон касался девушки – Малхатум, на которой Осман хотел жениться. Она была дочерью кади (мусульманского судьи) близлежащей деревни, шейха Эдебали, который два года отказывался дать свое согласие на брак. Вот Осману приснилось, что из груди шейха, лежавшего бок о бок с ним, вышла луна. Став полной, она опустилась в его грудь. Затем из его чресел выросло дерево, которое по мере роста стало накрывать весь мир сенью своих зеленых и красивых ветвей. Под деревом Осман узрел четыре горных хребта – Кавказ, Атлас, Тавр и Балканы. От его корней брали свое начало четыре реки – Тигр, Евфрат, Нил и Дунай. На полях зрел богатый урожай, горы покрывали густые леса. В долинах виднелись города, украшенные куполами, пирамидами, обелисками, колоннами и башнями, все увенчанные полумесяцем. С балконов звучали призывы к молитве, смешивающиеся с песнями соловьев и криками ярко окрашенных попугаев, сидящих на переплетенных, сладко пахнущих ветвях.

Листья на ветвях стали вытягиваться, превращаясь в лезвия мечей. Поднялся ветер, направляя их в сторону Константинополя, который, «располагаясь на стыке двух морей и двух континентов, представлялся бриллиантом, вставленным в оправу из двух сапфиров и двух изумрудов, и, таким образом, выглядел как драгоценный камень кольца господства, охватывавшего весь мир». Осман уже готов был надеть кольцо на палец, когда вдруг проснулся. Он поведал о сне Эдебали, тот истолковал его как божественный знак и сразу отдал дочь Осману, предсказав ему могущество и славу их потомству. Церемонию провел, согласно правилам истинной веры, святой дервиш, для которого Осман впоследствии построил монастырь, даровав ему богатые земли и деревни.

Первая из легенд предполагает, что Осман и его люди – османы – еще не были мусульманами, когда осели в районе Эскишехира. Первая волна турецкой иммиграции в Малую Азию, начиная с XI века и далее, состояла в основном из лиц, обращенных в ислам, при посредстве их предыдущей связи с мусульманским арабским миром. Но вторая волна, в XIII веке, состояла по большей части из язычников, и, судя по всему, именно к ней принадлежали Осман и его люди. Многие из них прибыли не как поселенцы, а как беженцы, которых вытесняли на запад языческие монгольские орды. Большая часть их осталась на восточных землях, возможно, чтобы вернуться домой, когда уйдут монголы. Но другие, более воинственные, продолжали двигаться вперед на земли сельджуков.

Среди них были османы, которые таким образом попали под защиту султана Ала-ед-Дина. Он предпочитал не включать их в качестве наемников в свои армии, а давать им земли в беспокойных пограничных регионах, где они могли поддерживать порядок или сражаться за свою новую собственность с византийскими греками. Представляется вероятным, что именно на этой стадии последователи Эртогрула и Османа обратились в ислам. Это обращение вдохновило османов, и без того наделенных кочевническими достоинствами и боевыми качествами туркменских воинов, добавив им новой военной доблести, чтобы отстаивать, как сообщество гази, мусульманское дело против неверных – христиан.

Люди, которые считали себя не просто турками – это название ассоциируется с обитателями Туркестана в целом, – а османами, последователями Османа, тем не менее в те дни обладали лишь немногими качествами, отличавшими их от турецких соседей. Их княжество было всего лишь одним из десяти княжеств-преемников, уцелевших от Сельджукской империи и монгольского протектората, и самым маленьким из них. Своей последующей имперской судьбой османы обязаны географической случайности: стратегически важному положению в северо-западном углу Малой Азии, непосредственно на азиатских границах Византийской империи в момент ее упадка, и, более того, возможности легко достичь моря и лежащих за ним земель Балканского полуострова.

Среди воинов пограничных областей османы доказали свою уникальность. Они оказались способными воплотить плоды своих военных завоеваний в эффективный политический механизм. Осман был администратором в той же мере, в какой был воином, да и ему очень помогала поддержка со стороны его тестя Эдебали, служившего vezir – визирем. Осман был мудрым, терпеливым правителем, которого люди искренне уважали и были готовы преданно служить ему не потому, что он был воином, и уж тем более не из-за некоего исламского полубожественного статуса, а за его спокойствие и притягательность как лидера своего народа. Осману, конечно, было присуще естественное чувство превосходства, но он никогда не стремился самоутвердиться с помощью власти, и потому его уважали не только равные ему по положению, но и те, кто превосходил его способностями, на поле боя или на совете. Осман не вызывал в своих людях чувства соперничества – только преданности, и был человеком, по выражению Г.А. Гиббонса, «достаточно великим, чтобы использовать знающих людей». Приверженцы служили ему добросовестно, сознательно помогали заложить для этого небольшого растущего княжества такие основы, которые гарантировали бы его дальнейшее продолжительное существование. Одновременно они возглавляли свои собственные армии и управляли завоеванными территориями, являясь беями с полуавтономным статусом, но всегда координировали свою деятельность и подчинялись распоряжениям своего вождя.

Проникшийся истинным духом религиозного энтузиазма, Осман сам привнес в свои владения простую веру и рвение ранних мусульман, которых воодушевлял его великий предшественник и тезка халиф Осман. В их традициях он ставил справедливость выше власти и богатства, в то же время управляя княжеством, как и его преемники, на основе неделимой, личной верховной власти. Таким образом, ранние османы были свободны от династической вражды других сельджукских княжеств. Начиная жизнь заново в иной обстановке, они смогли проявить

упорство, волю и терпимость; они приобрели практический, конструктивный опыт, чтобы приспособиться к социальным и экономическим условиям территории, которой правили.

Османы развили свои собственные возможности и привлекли ресурсы – интеллектуальные и теологические, производственные и торговые, имевшиеся в более урбанизированном окружении соседних княжеств, а с течением времени – из еще более отдаленных территорий. Они видели в этом пограничном регионе убежище от внутренних беспорядков и перспективу новой жизни и светлого будущего. Более всего другого они заимствовали административные и прочие знания греков, тщательно изучая их методы управления в этом последнем азиатском анклавном умиравшей Византийской империи. Ведь османы, в отличие от того образа исламского мира, каким он воспринимался за границей, начиная со времен первых арабских завоеваний обращались со своими врагами в духе свободном от религиозного фанатизма. Они жили больше в греческом, чем в турецком окружении. Владельцы соседствовавших с Османом деревень и замков были христианами, с которыми он часто поддерживал дружественные отношения. В числе его ближайших компаньонов были греческие семьи Михалоглы и Маркозоглы, сыновей Михаила и Маркоса, когда-то бывших врагов, а затем преданных друзей и сторонников Османа. В результате дружбы с ним они приняли мусульманскую веру.

На территории османов не было всеобщей исламизации христиан, менее всего – в принудительном порядке. Однако некоторые христиане становились мусульманами по собственному выбору, в ответ на собственные побуждения и преследуя собственные интересы. По мере разрушения центральной власти в Константинополе люди все больше чувствовали себя забытыми своими правителями и, действуя в духе реализма, предпочитали относительный порядок и безопасность османского правления наряду с большей свободой выбора для мусульман и освобождением от обременительных налогов. В духовном плане, с падением авторитета ортодоксальной церкви, эти азиатские греки откликнулись на стимулы новой веры. В социальном аспекте они не слишком отличались от своих пограничных соседей-османов происхождением и образом жизни. Обращенные или нет, они легко приспосабливались к жизни османов. Смешанные браки между греками и турками стали обычными, что способствовало зарождению и развитию нового смешанного общества.

Вскоре стало очевидным, что османские турки больше не были простыми кочевниками, они стали оседлыми жителями, творцами и строителями. Со временем они менялись, оставаясь на своей территории – в гористом северо-западном углу Малой Азии, создавая собственную пограничную цивилизацию, основанную на разнородности народной культуры. Эта культура, состоящая из элементов азиатского и европейского происхождения, мусульманства и христианства, турок и тюрок, кочевников и оседлых жителей, была прагматичной в своем мировоззрении и свободной от более ортодоксальных культурных и социальных ограничений феодальных турецких княжеств, лежавших к востоку. Так возник прототип общества, призванного унаследовать и трансформировать Византию. Именно так империя турок-сельджуков заполнила вакуум, оставленный империей арабов. Именно так в свое время Византия наследовала Риму.

Сам Осман не торопился расширять унаследованное им владение за счет соседей. Медленно, но верно осуществляемый, его план заключался в том, чтобы ждать и наблюдать, жить и учиться и лишь постепенно прокладывать свой путь на территорию Византии. Три укрепленных города господствовали на уцелевших землях Византии в Азии. На юге располагалась Бурса, властвовавшая над богатой Вифинской равниной со склонов горы Олимп; в центре, в верхней части озера находилась Никея, фактическая столица региона; на севере, в верхней точке протяженного залива, стоял порт Никомедия, контролировавший морской путь в Константинополь и сухопутный путь к Черному морю. Все они были в пределах дневного перехода от столицы Османа. Но сначала он не напал ни на один из них. За шестьдесят лет sporadических крестьянских волнений, начиная со времени правления Эртогула, османы продвинулись

всего лишь на 60 миль от города Эскишехира – «старого города» до «нового города» – Енишехира. Его захват блокировал сообщение между Никеей и Бурсой.

Однако Осман, зная о прочности крепостных укреплений в этом столь жизненно важном для Константинополя районе и об относительной слабости собственной армии, продолжал ждать своего часа. Тем временем численность его войска постепенно увеличивалась, пока из отряда в четыреста воинов при Эртогруле оно не выросло, по слухам, до четырех тысяч человек всадников и легкой пехоты. Источником пополнения его рядов были искавшие заработка воины из соседних княжеств и даже сами акриты, греческие крестьяне-воины из приграничных земель Малой Азии, часть которых была склонна изменить своим убеждениям из-за пренебрежения, изъятия доходов и притеснений Константинополя.

Только в первый год XIV столетия, через двенадцать лет после своего прихода к власти, Осман вступил в прямой конфликт с императорскими войсками Византии под Коюнхисаром (греческим Бафеоном). Греки, стремившиеся остановить османский набег на расположенную перед Никомедией плодородную долину, были легко разбиты быстрой и решительной кавалерийской атакой, сломавшей их боевые порядки. Это поражение императорских войск, нанесенное малоизвестным тюркским вождем, встревожило Византию, которой пришлось теперь рассматривать княжество Османа как фактор, с которым необходимо считаться. Поражение Византии принесло Осману известность, и воины со всей Анатолии начали собираться под его знамена, гордые тем, что станут османами. Теперь его княжество прочно стояло на ногах.

Однако Осман не предпринял попытки развить свой успех, напав на Никомедию, и его войска ограничились разорением окрестностей города. Только через семь лет он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы атаковать крепости Акхисара, господствовавшие над рекой Сакарья (греческий Сангариус), стекавшей в долину за Никомедией. Он захватил их, открыв османам путь к морю. Османы впервые появились на берегах Босфора и стали постепенно покорять гавани и крепости на прибрежной черноморской полосе полуострова к востоку от пролива и в конце концов проникли в Мраморное море, захватив остров Калолимины. Так Осман блокировал морской путь из Бурсы и еще один – из Никомедии в Константинополь, изолировав два города друг от друга. После этого Бурса неоднократно подвергалась нападению со стороны суши и в 1326 году пала, когда Осман уже лежал при смерти.

После семилетней осады, во время которой все пригороды попали в руки врага, греческий гарнизон был настолько деморализован отсутствием какой-либо поддержки со стороны Константинополя – который был занят династической борьбой между враждующими императорами, – что командующий гарнизоном Эвренос, при поддержке других влиятельных греков, сдал город и принял мусульманскую веру. Здесь, на плодородных склонах горы Олимп, османы основали свою первую в истории империи столицу и постепенно превращали ее, наряду с украшением нетленными шедеврами архитектуры, в цивилизованный центр науки и искусства. В дальнейшем, после утверждения династии в Европе, Бурса перестала быть столицей, но навсегда осталась священным городом Османской империи. Но – и это важнее всего – Бурса с ее школами теологии, исламского права и традиций развилась в важнейший центр просвещения, то есть в центр улемы – мусульманского религиозного истеблишмента. Дополняя независимый и часто неортодоксальный воинский дух гази, улема олицетворяла традиционные принципы старого ислама и на протяжении веков оказывала преобладающее влияние, направляющее или ограничивающее, на Османское государство.

Осман был похоронен здесь, в Бурсе, на склоне горы, в усыпальнице, обращенной через море в сторону Константинополя. Вкупе с могилами его наследников она стала центром паломничества мусульман. Эпитафия на его могиле была облечена в форму молитвы, которую на протяжении веков, опоясавшись обоюдоострым мечом Османа, должны были произносить все вступавшие на османский трон наследники: «Будь столь же добродетелен, как Осман!» Он действительно был добродетельным человеком, в духе традиций раннего мусульманства,

наставлявшим, находясь на смертном одре, своего сына: «Поощрять справедливость и тем самым украшать землю. Порадуй мою отлетающую душу блистательной чередой побед... Своими руками распространяй религию... Возводи ученость в достоинство, чтобы был утвержден Божественный закон».

Историческая роль Османа – это роль вождя племени, сплотившего вокруг себя народ. Его сын Орхан создал для народа государство, его внук Мурад I превратил государство в империю. Их достижения как политиков были по достоинству оценены одним османским поэтом XIX века, сказавшим: «Мы из племени вырастили державу, подчинявшую себе мир».

Созданием своего государства и, позднее, империи османы были во многом обязаны традициям и социальным институтам *гази*, тем бойцам за веру, которым они были искренне преданы. Традиции *гази* уходили своими корнями в жизнь общины, основанную на этических принципах, с корпорациями, или братствами, подчинявшимися своду исламских правил добродетельного поведения. Исходя в первую очередь из религиозных целей, эти правила включали в себя абстрактные концепции с сильным акцентом неортодоксального мистицизма, в итоге принимая конкретные и практические формы. В городах мусульмане приспособивались к тому, чтобы охватить учением цеха купцов и ремесленников. В пограничных местностях и деревнях они становились боевыми братствами, подобно *ахи*, или братьями по оружию, которые были движимы воинственным и почти фанатичным энтузиазмом в отношении как религии, так и войны. Эти братства, рыцарские по духу, напоминали известные рыцарские ордена Запада, налагая друг на друга и принимая на себя взаимные обязательства во время встреч в местах, напомиравших те, где собирались мистические братства ислама в прежние времена.

Путешественник XIV века Ибн Баттута писал об этих братствах: «Нигде в мире нельзя встретить кого-либо, сравнимого с ними в их внимательности, заботливости в отношении незнакомцев, в их пылкой готовности покормить вас и исполнить ваши желания, отвести руку тирана, убить агентов полиции и тех негодяев, которые якшаются с ними. *Ахи*, на их местном языке, – это тот, кого собравшиеся вместе товарищи по роду занятий вместе с другими неженатыми мужчинами и теми, кто дал обет безбрачия, выбирают своим руководителем».

По приглашению сапожника в ветхих одеждах и с войлочной шапочкой на голове Ибн Баттута посетил приют, который он, как *шейх ахи*, и «примерно две сотни мужчин разного рода занятий» построили для того, чтобы принимать путешественников и других гостей, расходуя при этом на общую цель все, что они зарабатывали в течение дня. Это было «изящное здание, украшенное прекрасными румскими ковриками, с большим количеством светильников из иракского стекла. ...Стоя рядами, в зале находилась группа молодых людей в длинных мантиях и обуви. ...Их головы были прикрыты белыми шерстяными шапочками с прикрепленными к ним кусками материи длиной в локоть. ...Когда мы заняли свои места среди них, они внесли большой торжественный обед с фруктами и сладостями, после которого они начали петь и танцевать. Все в них наполнило нас восхищением, и мы были поражены их щедростью и врожденным благородством».

В Бурсе Ибн Баттута был принят султаном Орханом, «который является величайшим правителем среди всех правителей турок и самым богатым по размерам сокровищ, земель и вооруженных сил. Одних крепостей у него около ста, и большую часть времени он снова и снова объезжает их... Говорят, что он никогда не останавливался ни в одном городе хотя бы на месяц. Он также непрерывно сражается с неверными и держит их в осаде».

Орхан был младшим из двоих сыновей Османа, но именно его Осман назвал своим преемником, учитывая его недюжинные военные способности. По контрасту, его старший сын Ала-ед-Дин был человеком с жилкой ученого, увлекавшимся законом и религией. Легенда гласит, что он отказался от предложения своего младшего брата разделить наследство, по поводу чего Орхан заметил: «Поскольку, мой брат, ты не берешь стада и отары, я предлагаю тебе

быть пастухом моего народа. Будь моим визирем». В этой должности тот, вплоть до своей смерти семь лет спустя, занимался управлением государством, организацией армии и разработкой нового законодательства.

Орхан, избравший своей столицей Бурсу, получил титулы «Султан, сын Султана Гази, Гази сын Гази, маркиз героев мира». Здесь он впервые отчеканил османскую серебряную монету, заменившую деньги сельджуков, с надписью: «Да продлит Бог дни империи Орхана, сына Османа». Задачей Орхана было завершить дело отца: объединить в государство смешанное население, которое Осман собрал вокруг себя; закруглить его завоевания и расширить его господство; сплотить воедино всех жителей и тем самым сделать из государства новый центр могущества османов. Более привлекательный внешне, обладающий более цивилизованными манерами, более величественный в своей стати, чем отец, Орхан был столь же прост в своих вкусах, как и благочестив по нраву. По характеру он не был ни фанатиком, ни вероломным или жестоким человеком. Обладая более широким, чем Осман, кругозором и будучи более энергичным в действиях, будь то война или государственное строительство, Орхан добивался целей благодаря своей неистощимой энергии, абсолютной целеустремленности и, главное, редкой способности и к тонкостям управления, и к искусству дипломатии.

Прежде всего предстояло захватить два города – Никею и Никомедию, которые находились за высокими оборонительными стенами и являли собой крепости, которые трудно было взять штурмом. Бурса пала из-за отсутствия поддержки со стороны Константинополя. Когда же Орхан обратил свое внимание на Никею – веком раньше, в период латинской оккупации Константинополя, бывшей столицей империи, – император Андроник III считал своим долгом прийти городу на помощь. Но, раненный в битве с османами при Пелеканоне (нынешний Маньяс) в 1329 году, он поспешно бежал с поля боя обратно в Константинополь, бросив большую часть своей армии, остатки которой бежали вслед за ним. Гарнизон Никеи был вынужден сдаться. То же самое сделал и гарнизон Никомедии восемь лет спустя.

Все три города пали главным образом по экономическим причинам. Чтобы процветать, они нуждались в доступе к окружающей сельской местности. Когда она оказалась в руках османов – не простых налетчиков, а оседлых жителей, – а значит, была оккупированной постоянно, что не оспаривалось Константинополем, брошенные на произвол судьбы горожане не имели особого выбора, кроме как доверить свою судьбу врагу. Немногие из них воспользовались возможностью уехать в Константинополь, в соответствии с согласованными условиями капитуляции. Они предпочли остаться там, где жили, продолжая заниматься своими делами – торговлей и ремеслами, играя свою роль в новом мире, складывавшемся теперь вокруг них вместо старого. К концу правления Орхана население его государства увеличилось, как утверждалось, почти до полумиллиона душ – поразительное отличие от легендарных четырех сотен всадников Эртогрула.

При всей терпимости в отношении христиан по своей сути это было мусульманское государство, проверка на национальность в котором сводилась к религии. Даже с учетом мирного сосуществования различие между мусульманами и христианами должно было сохраняться. В самой своей основе оно проявлялось в вопросе о земле и ее распределении. Только мусульмане были обязаны нести воинскую службу, и в силу этого только они имели право владения землей. Земля распределялась в качестве награды за службу и обеспечивала источник набора в армию в форме военных наделов, освобождаемых от налогообложения. Христиане были освобождены от военной службы и, следовательно, не имели подобных прав на землю. Вместо этого они платили налог с каждой головы на поддержку армии. В сельских районах это давало им статус подчиненных по отношению к обладавшим землей мусульманам. Поэтому христиане стремились жить и работать в городах и поселках, где такого рода ущемления в гражданских правах уравнивались экономическими преимуществами. Но, добровольно приняв ислам, христианин автоматически становился «османлы», и о его происхождении скоро забывали. Он

получал освобождение от налогообложения, право иметь землю, возможности для продвижения и получения доли от доходов правящей мусульманской элиты. Отсюда рост числа обращенных в ислам в Азии на этом этапе османской истории.

Будучи феодальной по своей сути, османская система землевладения, основанная на военных наделах, существенно отличалась от феодальной системы Европы тем, что земельные участки были небольшими и, что особенно важно, редко становились наследственными. Ведь вся земля была собственностью государства. Поэтому на данной стадии во владениях османов не существовало условий для возникновения земельной знати, подобно той, которая преобладала по всей Европе. Султаны сохраняли за собой право на абсолютное владение землей, которую они завоевали. Более того, поскольку они продолжали завоевания, росло количество земельных участков, становившихся доступными в качестве награды для все большего числа солдат. В рамках этой системы Орхан, следуя совету, исходившему от его брата Ала-ед-Дина, организовал регулярную армию под командованием суверена, профессиональную военную силу, находившуюся на военном положении, подобной которой в Европе не могли создать на протяжении последующих двух веков.

Армия его отца, Османа, состояла только из нерегулярных турецких отрядов, добровольцев-кавалеристов, называвшихся акынджи. Рекрутируемые по деревням под возгласы, призывающие прийти с оружием к определенной дате «каждого, кто хочет воевать», они были опытными наездниками, скакавшими сплошной массой, как стена. Орхан, набирая своих воинов среди обладателей военных наделов, преобразовал это войско в авангард кавалеристов-разведчиков, роль которых заключалась в том, чтобы изучить местность перед намечаемой атакой. Таким образом, они подвергались самой большой опасности, и их преданность гарантировалась самыми богатыми земельными наделами. В поддержку им давались проводники, так называемые чавуши, и регулярные корпуса кавалерии, сипахи, получавшие денежное содержание.

Орхан набирал также нерегулярную пехоту, именовавшуюся азабы – войско, которое можно было не щадить. Его место было на линии атаки, а задача – вызвать на себя первый залп противника. За ними противник, нередко к своему крайнему удивлению, наталкивался на более грозную вторую линию отборных, вымуштрованных войск. Набранные из войска, получавшего жалованье, солдаты – они назывались оджаки капы кулу – были вооруженной силой, хорошо обученной приемам совместного ведения боя под началом командиров, которых они знали и уважали. В отличие от преобладавших в то время наемников они были едины в своей преданности суверену, считая его дело своим собственным и целиком доверяя ему соблюдение своих интересов в смысле продвижения и других наград за службу. В принципе они постоянно находились «у двери султанского шатра», подчиняясь абсолютной власти правителя, служа ему лично, прямо или косвенно, под началом командира, которому поручено действовать от имени султана. Сила этих новых регулярных османских войск заключалась в абсолютной сплоченности и постоянной готовности к бою.

Османы всегда были начеку, их нельзя было застать врасплох. Армия была оснащена первоклассной службой разведки, хорошо информированной относительно того, когда и где может появиться неприятель, дополняемой безукоризненной работой проводников для сопровождения войск по нужному пути. Путешественник Бертран де Брокьер так отзывался об османских войсках: «Они могут внезапно трогаться с места, и сотня солдат-христиан произведет больше шума, чем десять тысяч османов. При первых ударах барабана они немедленно начинают маршировать, никогда не сбиваясь с шага, никогда не останавливаясь, пока не последует приказа. Легковооруженные, они способны за одну ночь проделать путь, на который у их христианских соперников уйдет три дня».

Таковы были военные таланты выносливого, упорного и дисциплинированного народа, веками вырабатывавшего в себе навыки кочевников к скорости и мобильности. Таковы были – также с точки зрения организации и тактики – принципы совершенного инструмента ведения

войны, предназначенного, благодаря своей неуязвимости, превратить государство османов в империю. Это был народ, инстинктивно движимый унаследованным импульсом кочевников все время идти вперед по сознательно намеченному в западном направлении пути, в поиске новых пастбищ. После обращения в ислам этот поиск стал «святым делом» и еще сильнее подстегивался религиозным долгом гази, обязанных, согласно священному закону, разыскивать и бороться с неверными на «землях войны», или Дар-аль-Харб. Воины должны были совершать набеги и захватывать земли неверных, их имущество, убивать или брать в плен и подчинять иноверческие общины власти мусульман. Теперь этот поиск к тому же приводился в движение общественной и экономической потребностями в экспансии, обусловленной непрерывным притоком в приграничные местности новых поселенцев, будь то земляки-кочевники, мусульмане неортодоксальных взглядов или искатели приключений из княжеств Центральной Анатолии. Теперь, придя из степей Азии, эти турки должны были пойти на риск и пересечь незнакомую и негостеприимную стихию – море. И к середине XIV века армии ислама уже были готовы к отправке в Европу.

Глава 2

Вторжение турок в Европу не было внезапным, как нашествие монголов через Азию. Скорее это был процесс постепенного проникновения, роковое следствие ослабления и падения Византийской империи. Процессу была присуща раздробленность, теологическая, а значит и политическая, христианских держав – Запад против Востока, католики против приверженцев ортодоксальной церкви, римляне против греков. Кульминацией стало в начале XIII века вероломное нападение латинских рыцарей Четвертого крестового похода не на мусульман Святой земли, как это изначально планировалось, а на греков – христиан Константинополя. Захватив и разграбив город в 1204 году, они создали на большей части территории, оставшейся у Византии в Европе, Латинскую империю. Благодаря в первую очередь отсутствию единства между своими же собственными христианскими элементами, империя оказалась недолговечной, просуществовав немногим больше полувека, а греки в это время правили сохранившейся у них азиатской территорией из Никеи. В 1261 году они смогли отвоевать Константинополь.

Но удар, нанесенный их империи, все-таки оказался роковым. Византии оставалось существовать еще около двух веков, но только в качестве тени самой себе. Ее слава мирового центра могущества и цивилизации развеялась. Ей так и не удалось обрести былую силу и безопасность. Ее территория существенно уменьшилась. Болгария, Сербия, Македония были утрачены друг за другом. Константинополь был наполовину разрушен, лишен богатств, его население уменьшилось. Торговля с Востоком переместилась в другие места. То, что осталось от нее на западе, теперь было сосредоточено в руках венецианцев и генуэзцев. Религиозная вражда с папством и латинскими державами полыхала ярче, чем когда-либо. Она сопровождалась административным распадом, социальными волнениями и финансовой несостоятельностью.

В этот критический момент византийской истории, увы, не появилась великая династия правителей, способная объединить уцелевшие элементы империи и дать ей новую жизнь. Наоборот, за правлением первого императора из Палеологов после возвращения Константинополя последовало не возрождение – разве что за исключением искусства, – а длительный период упадка. Последствием несправедливой войны между христианами и христианами стала внутренняя раздробленность императорского дома, и без того недружного, и династия втянулась в периодическую гражданскую войну, в которой сын воевал против отца, внук против деда, узурпатор против законного правителя. Такое отсутствие единства не могло не сыграть на руку туркам, единым в ведении священной войны. В такой обстановке у них едва ли была необходимость вторгаться в Европу. По сути, их туда пригласили.

Первоначально они выполняли здесь свою традиционную роль наемников, аналогичную той, которую сыграли в Арабской империи халифата Аббасидов тремя веками раньше. Первые наемники пришли из колонии туркмен, обосновавшихся в Добрудже, на западном побережье Черного моря, после восхождения на императорский трон первого из Палеологов, Михаила VIII, бежавшего от латинской оккупации и жившего в качестве изгнанника при дворе сельджуков. Эти туркмены пришли на помощь свергнутому с трона султану сельджуков Изз-ед-Дину, который, в свою очередь, нашел убежище в Константинополе. После угрожающей демонстрации против императора они добились освобождения султана из-под стражи и вместе с ним отправились в Крым. Но его сын и отряд его стражи остались в Константинополе, приняли христианство и составили костяк корпуса турецкой милиции, вскоре быстро разросшегося и обеспечившего желанное подкрепление императорской армии.

В начале XIV века византийский император Андроник II аналогичным образом призвал на помощь крупное войско наемников-христиан из Каталонской дружины под командованием не признававшего никаких законов солдата удачи Роже де Флора. Когда каталонцы вызвали в Константинополе беспорядки, он переправил их в Малую Азию. Здесь они успешно сражались

против турок, но забирали себе всю военную добычу за счет греков, с которыми они в конце концов вступили в открытый конфликт, основав в Галлиполи европейскую штаб-квартиру и стремясь превратить ее в собственное государство. Когда Роже де Флор был опрометчиво убит в императорском дворце, каталонцы в ярости обрушились на греков и призвали своих прежних врагов – турок из Малой Азии – помочь им в борьбе против империи, которую они пришли защищать.

Таким образом, именно каталонцы были, в первую очередь, ответственны за появление турок в Европе, пригласив их сражаться против греков в качестве организованной силы. Когда каталонцы наконец ушли в Фессалию, они оставили позади себя, во Фракии и Македонии, большое войско турок, совершавших нападения на пути сообщения и сеявших общий беспорядок. Их лидер Халил договорился о выводе войска, в обмен на охранную грамоту для переправы через Босфор. Но когда греки в нарушение договоренности попытались лишить турок их трофеев, Халил вызвал подкрепление из Азии, разгромил греков и вынудил спасаться бегством юного императора Михаила IX, с презрительной насмешкой приняв головной убор императора. Император смог избавиться от турок, только призвав на помощь войска сербов.

Начиная с этого времени на протяжении всего XIV века острова и побережья европейской части Византии подвергались череде пиратских набегов турок из различных княжеств Малой Азии. Только вражда между ними предотвращала согласованное вторжение в то время, когда число турок, сражавшихся на стороне греков, примерно равнялось числу турок, сражавшихся против них. Среди них были татары с северных берегов Черного моря – люди с такими же расовыми корнями и культурными традициями, волнами набегавшие через юг России в Крым и дальше на запад, вплоть до Венгрии. Тем временем турецкие пираты из княжества Айдын в Малой Азии грабили население островов в Эгейском море, спровоцировав Крестовый поход папских войск, захвативших город Смирну.

Собственно османы не принимали в этих враждебных действиях никакого участия, проницательно рассчитав, что тем самым они только ослабят своих враждующих турецких соседей и соплеменников. Хотя к 1330 году османы фактически оккупировали берега Босфора, прямо напротив Константинополя, они оставались верны своей терпеливой, бдительной политике и не пересекали его воды в сторону Европы еще на протяжении семи лет.

Они сделали это по приглашению великого канцлера и узурпатора Иоанна Кантакузина, способного и амбициозного лидера, провозгласившего себя императором в противовес законному наследнику, бывшему еще ребенком, Иоанну Палеологу. Кантакузин попросил турок поддержать его в последовавшей за этим гражданской войне. Теперь в обмен на военную помощь Кантакузин, который уже и раньше зондировал для этого почву, предложил в жены Орхану свою дочь Феодору. Предложение было немедленно принято. В 1345 году около шести тысяч османских воинов переправились в Европу. Здесь они помогли узурпатору отбить у Иоанна Палеолога прибрежные города Черного моря, опустошить Фракию, пригрозить Адрианополю (теперь Эдирне) и осадить Константинополь.

В следующем году свадьба византийской принцессы и султана османов была отпразднована на европейских берегах с соответствующей помпой и церемониями. Орхан, разбивший лагерь напротив, в Скутари, направил флот из тридцати турецких судов и эскорт кавалерии, чтобы увезти свою невесту из величественно украшенного коврами павильона, воздвигнутого в лагере императора в Селимбрии. Здесь, как пишет об этом «бесчестье пурпура» Гиббон, «Феодора взошла на трон, закрытый занавесками из шелка и золота; войска выстроились в боевом порядке, но один император был верхом на коне. По данному сигналу занавески мгновенно раздвинулись, и глазам зрителей предстала невеста или жертва, окруженная стоявшими на коленях евнухами и свадебными факелами; звуки флейт и барабанов возвестили о радостном событии, а мнимое счастье новобрачной сделалось темой для песнопений, написанных лучшими поэтами, какие были в то время. Феодора была отдана во власть своего варварского повели-

теля без соблюдения церковных обрядов, но было условлено, что, живя в Бурсе, в тамошнем гареме, она сохранит свою религию, а ее отец восхвалял смирение и благочестие, которые она выказала в этом затруднительном положении».

Она действительно смогла быть полезной своим собратьям по вере, посредством выкупа и освобождения многочисленных христианских рабов и пленников.

За этим матримониальным и военным союзом с османами последовал в 1347 году, при въезде Кантакузина в Константинополь, брак его другой дочери, Елены, с юным Иоанном Палеологом и их признание обеими сторонами в качестве императоров-соправителей. Так турки-османы основательно укоренились в Европе, но не как враги, а как союзники и родственники императоров Византии. Султан приходился одному из императоров зятем, другому императору – свояком, а также зятем царю соседней Болгарии.

Это не помешало Орхану подумывать об аналогичном союзе, который предлагал враждебный Византии Стефан Душан. Он уже расширил свое государство – Сербию – в «империю», присвоив себе титул «господина почти всей Римской империи» и был даже провозглашен венецианцами «императором Константинополя». Не сумев тем не менее заручиться поддержкой венецианцев в нападении на Константинополь, Стефан вместо этого стал искать поддержки Орхана, предложив соединение сербской и османской армий для совместной кампании против города. Чтобы закрепить союз, он предложил свою дочь в жены сыну Орхана. Орхан направил к Стефану послов, чтобы принять предложение. Однако этому плану помешал Кантакузин, который перехватил послов, убив одних, взяв под стражу других и присвоив себе предназначавшиеся сербскому «императору» дары. И ни Стефан, ни Орхан, чьи цели были слишком схожи, чтобы их можно было легко примирить, больше переговоров не возобновляли. В конечном счете Стефан в 1355 году попытался атаковать Константинополь в одиночку, силами восьмидесяти тысяч человек. Но он скончался на второй день похода, и его Сербская империя умерла вместе с ним.

Тем временем, в 1350 году, Кантакузин призвал себе на помощь еще одно двадцатитысячное войско османской кавалерии, чтобы обезопасить от Душана Салоники, выбив его войска из окружающих приморских городов Македонии. Салоники были спасены, хотя турки не заняли ни одного из этих городов, довольствуясь тем, что, с одобрения своего султана, вернулись в Малую Азию, нагруженные военными трофеями. Двумя годами позже Орхан оказал помощь генуэзцам в войне против их традиционного торгового соперника венецианцев и, по ходу войны, против самого Кантакузина. В 1352 году, когда венецианцы вместе с болгарами открыто выступили на стороне его соперника Иоанна Палеолога, Кантакузин вновь призвал двадцать тысяч турок, ограбив церкви Константинополя, чтобы оплатить их услуги, и обещая вознаградить Орхана крепостью во фракийском Херсонесе. Он таким образом выручил Адрианополь, обезопасил свое положение во Фракии и в большей части Македонии и провозгласил своего сына Матфея соправителем.

В 1353 году Сулейман-паша, сын Орхана, переправился через Геллеспонт с войском османов, чтобы вступить во владение крепостью, обещанной Орхану и носившей название Цимпе. Крепость находилась на полуострове между Галлиполи и Эгейским морем. Вскоре после его прибытия землетрясение разрушило часть стен Галлиполи. Сулейман быстро овладел и этой крепостью. После восстановления стен крепости он привез сюда из Азии первую группу османских поселенцев. После этого на землях беглых христианских хозяев, под началом мусульманских беев стали быстро появляться подобные колонии. Беи были братьями по оружию Орхана, считавшими его не столько своим господином, сколько объединяющей их силой и вдохновляющим примером. Их большие личные армии должны были обеспечить прочные основы нового Османского государства в Европе. Тем временем местные жители-греки в разных провинциях искали убежища в крепостях и городах, где их оставили в покое в обмен на добровольное подчинение.

Так начиналась оккупация, продвигающаяся в западном направлении и распространявшаяся в Европу обществом гази с открытыми границами, а также навязывающая землям Византии новый османский образ жизни. Позади быстро движущегося авангарда, рыскавшего далеко вперед и по сторонам с целью блокирования дорог, уничтожения урожаев и создания обстановки общего экономического хаоса, главные силы османов основывали все новые поселения анатолийских турок вдоль важнейших направлений движения войск и по долинам четырех рек, ведущих к Дунаю. Но на первых порах армия не проникала в горные районы, где нашла прибежище большая часть местного населения. В этом неустойчивом балканском обществе оккупантам оказывалось лишь сравнительно слабое сопротивление. Братства дервишей основывали приюты, которые должны были служить ядром новых турецких деревень. Мусульманские беи на контролируемых ими землях устанавливали с крестьянами-христианами новые отношения, что сводилось к своего рода социальной революции. Они вытеснили класс наследственных землевладельцев, не важно, греческого или латинского происхождения, который до этого угнетал и эксплуатировал свое феодальное крестьянство. Вместо этого османы установили более свободную и непрямую форму контроля, беря с крестьян налоги ограниченных размеров и отменив действовавший ранее принцип неоплаченного труда. Дело в том, что по османскому праву они были не землевладельцами, а ответственными посредниками между крестьянством и султаном, который владел всей землей, завоеванной или приобретенной иным способом.

Таким образом, в данный период социальной и политической фрагментации Византийской империи османы заменили децентрализацию сильной системой централизованного государственного контроля. По мере продолжения оккупации местные христианские землевладельцы на землях, граничащих с захваченными османами территориями, стали признавать власть султана, в качестве его вассалов выплачивая ему небольшую ежегодную дань как знак подчинения исламскому государству. С самого начала это государство установило в отношении христиан лояльную политику, тем самым гарантируя, что крестьянство не присоединится к своим феодальным господам в сопротивлении вражеской оккупации, а по сути поощряя крестьян бунтовать против них. Балканский крестьянин вскоре понял, что мусульманское завоевание повлекло за собой его освобождение от феодальной власти христиан, многообразные вымогательства и злоупотребления которой становились все более тяжелыми с расширением монастырских земель. Теперь же османизация давала крестьянству ранее невиданные выгоды. Как писал один французский путешественник более позднего времени, «страна в безопасности, и нет сообщений о бандитах или разбойниках с большой дороги» – это больше, чем можно было бы сказать в то время о других государствах христианского мира.

На этой начальной стадии османы контролировали большую часть Галлиполийского полуострова и европейское побережье Мраморного моря, вплоть до мыса, расположенного всего в нескольких милях от Константинополя. Кантакузин, положение которого становилось все более ненадежным, упрекал Орхана в несоблюдении договоренностей и предлагал выкупить Цимпе за десять тысяч дукатов. Орхан, понимая, что может вновь захватить эту крепость в любое время, отдал ее в обмен на выкуп. Но он твердо отказался уступить Галлиполи, стены которого, как он настаивал, пали перед ним не благодаря силе его оружия, но по воле Аллаха. Вести дальнейшие переговоры Орхан отказался. Османские турки, которым помог Божий промысел, пришли, чтобы остаться.

Кантакузин был полностью дискредитирован. За рубежом христианские страны Балкан – Сербия и Болгария – отказали ему в просьбе поддержать империю. Таким, как резко ответил царь Болгарии, был заслуженный итог его нечестивого союза с турками. Пусть византийцы сами сражаются со штормом. «Если турки выступят против нас, – добавил он, – мы будем знать, как защитить себя». Жители Константинополя поднялись против Иоанна Кантакузина, заперли его во дворце и призвали Иоанна Палеолога. Публично осужденный и обвиненный в

желании сдать город османам, он не видел иного выхода, кроме отречения от престола и ухода в монастырь в Мистре, что недалеко от Спарты. Там, под именем Иоасафа, Кантакузин провел оставшиеся тридцать лет жизни, написав выдающуюся историю своего времени.

Сулейман-паша все больше расширял свои завоевания и практику создания колониальных поселений, захватив Димотику и отрезав Константинополь от Адрианополя путем оккупации Чорлу. Эта иммиграция почти не встретила сопротивления со стороны местных жителей – греков, равно как и войск императора Иоанна Палеолога, который на поверку оказался столь же зависим от благосклонности османов, как и Иоанн Кантакузин. И в действительности его ожидало даже худшее унижение. Когда в 1357 году его племянник Халил, сын Орхана и Феодоры, был взят в плен пиратами, султан потребовал от императора, чтобы тот отправился в Фокею и освободил его. Таким образом, пока силы османов продвигались вперед во Фракии, император осаждал Фокею. По возвращении в Константинополь Иоанн Палеолог получил приказ Орхана лично продолжить руководить осадой и снова отправился к Фокее, но по пути встретил собственный флот, который оставил осаду, и император не смог убедить моряков вернуться. И он попросил Орхана освободить его от выполнения задачи, которая оказалась свыше его сил.

Орхан, став сюзереном императора Византии, упорствовал в своем требовании. В 1359 году Иоанн V отправился к нему в Скутари – вассал, надеющийся разжалобить своего сюзерена. Султан продиктовал императору мирный договор, по которому тот соглашался уплатить половину выкупа за его сына и фактически принял статус-кво во Фракии. По освобождении Халила император должен был отдать ему в жены свою десятилетнюю дочь. Император вернулся по велению Орхана в Фокею, выплатил большой выкуп и доставил Халила в Никею, где отпраздновали его обручение с христианской принцессой, сопровождавшееся соответствующими мусульманскими празднествами. Подобно тому как Иоанн Кантакузин привел османов в Европу в качестве солдат, так и его соперник Иоанн Палеолог согласился на их дальнейшее пребывание в качестве поселенцев.

Орхан умер в 1359 году. Его старший сын, Сулейман, погиб годом раньше, упав с лошади во время соколиной охоты на Галлиполийском полуострове. Его младший сын наследовал Орхану под именем Мурада I. Орхан, этот второй по счету из трех османских «отцов-основателей», добился поставленных целей в меньшей мере за счет воинского мастерства и в большей – за счет своего дара дипломата. После завершения преобразования своего государства в «нацию» он вступил в Европу, имея современную армию, но используя ее силу не напрямую, а лишь косвенно, в качестве аргумента в переговорах. Столкнувшись со слабым раздробленным противником, он действовал без излишней горячности, с образцовым терпением и прирожденным искусством истинного мастера манипуляции и интриги. Таковы были фундаментальные основы Османской империи, созданной в Европе.

Наступило время расширить сферу ее завоеваний, развернуть османскую армию как наступательную силу в целях покорения остатков Византийской империи и балканских христианских государств внутри и за пределами ее границ. Эта задача стояла перед сорокалетним Мурадом I, султаном, которому судьбой было предназначено превзойти двух своих предшественников и в качестве военного лидера, и в качестве государственного деятеля, в то время не имевшего себе равных. Благодаря Мураду Запад должен был пасть перед Востоком, подобно тому как Восток пал перед Западом во времена греков и римлян.

Глава 3

Орхан был первопроходцем Османской империи в Европе. Мураду I предстояло стать ее первым великим султаном. Он правил на протяжении жизни целого поколения, во второй половине XIV века. Как воин, сам проявляющий неослабевающее рвение в военном искусстве и вдохновляющий других своим энергичным лидерством, он расширил территории османов до дальних пределов Балканского полуострова, объединяя завоевания, которые должны были оставаться в руках османов, на протяжении пяти веков. Как человек, обладающий кругозором и политической дальновидностью, он заложил на будущее основы модели грандиозного, действительно государственного по своим подходам управления. Это одновременно объединило и вдохнуло новую жизнь в остатки Византийской империи, заполнив вакуум, который в данный момент истории не могла заполнить ни одна другая держава. Он стал провозвестником новой османской цивилизации, уникальной в смысле объединения самых разнообразных элементов расы, религии и языка.

Более того, этот век османской экспансии в Восточной Европе совпал с периодом упадка на Западе. С окончательной потерей Иерусалима в середине XIII века и вторжением монголов в Малую Азию феодальный христианский мир уже никогда больше не смог продвинуть свои границы на Восток. Порыв крестоносцев обернулся против них самих – латинские христиане ссорились и воевали друг с другом. Один за другим разорялись банковские дома Италии, наладившие прибыльную торговлю с Востоком и финансировавшие крестоносцев. Финансовый и экономический спад привел к всеобщему и продолжительному социальному кризису. Европейское общество, лишенное гибкости и жизнеспособности, достигло низшей точки в своем упадке. Крестьянские восстания против землевладельцев, как феодальных, так и монастырских, восстания ремесленников против торговцев стали обыденными явлениями.

Бубонная чума, Черная смерть, занесенная с Востока, опустошила Средиземноморье и всю Западную Европу. Открытие новых территорий направило энергию европейской молодежи в западном направлении, через Атлантику. Таким был этот критический период Средних веков, кризис, который пошел только на пользу новой империи турок-османов, вступившей в эпоху расцвета.

* * *

В 1360 году началось наступление Мурада в Европе, подготовленное еще до его восшествия на престол и руководимое компетентными военачальниками, и его первая стадия быстро завершилась. В течение пятнадцати месяцев турки установили действенный контроль над Фракией, ее основными крепостями и богатой равниной, простиравшейся до подножий Балканских гор. Резня гарнизона в Чорлу и обезглавливание его командира были использованы как средство запугивания турками населения Балкан. Свои ворота открыл перед ними Адрианополь, вскоре ставший столицей Османской империи вместо Бурсы. Далее турки двинулись на запад, обходя Константинополь. Иоанн Палеолог, превратившийся в бледную тень прежнего императора, подписал договор, который обязывал его отказаться от каких-либо попыток восполнить потери, понесенные во Фракии, или от любой поддержки сербов и болгар в сопротивлении продвижению турок. Более того, он был обязан поддерживать османов против их турецких соперников в Малой Азии. Спустя десять лет Палеолог стал не более чем простым вассалом Мурада, признав его своим сюзереном и перейдя на службу в османскую армию.

По мере того как турки проникали все дальше в Европу – в Болгарию, Македонию, Сербию, а затем и в Венгрию, оплот Римско-католической церкви, христианские державы под покровительством папы Урбана V предприняли ряд безуспешных попыток объединиться друг

с другом и с греками в защите христианского мира. В 1363 году войско сербов и, впервые, венгров без поддержки греков переправилось через реку Марицу в направлении Адрианополя только для того, чтобы быть внезапно атакованным турками. Они были «пойманы, как дикие звери в их логове» (по словам турецкого летописца Сеадеддина) в момент, когда войско отсыпалось после ночного празднества по случаю беспрепятственной переправы через водную преграду. Затем войско было сброшено обратно в реку, «подобно языкам пламени, бегущим впереди ветра», и таким образом поголовно истреблено.

Дальнейшие попытки организации Крестовых походов такого рода были сильно осложнены конфликтом между Римско-католической и Греческой церквями, сущность которого отражена в письме Петрарки папе Урбану: «Османы являются просто врагами, но схизматики-греки – хуже, чем враги». Император Иоанн Палеолог мог найти союзников, только обещая подчинить Греческую церковь католической. Он сделал это во время секретного визита в Венгрию. На обратном пути Иоанн был заточен болгарскими в крепость. Это спровоцировало вмешательство Амадео Савойского, который в 1366 году отправился в новый папский Крестовый поход. Он отбил у турок Галлиполи, но, вместо того чтобы остаться здесь и продолжить борьбу, отправился к Черному морю, чтобы сразиться с болгарскими христианами. Освободив императора, он потребовал, как это уже сделали венгры, подчинения Палеолога Римско-католической церкви. Встретившись на этот раз с отказом, Амадео направил оружие против греков.

В конце концов император подчинился и в 1369 году отправился в Рим, где отрекся от «заблуждений» ортодоксальной церкви в обмен на обещания помощи со стороны властителей западного католического христианского мира в борьбе против турок. Но никакой помощи не пришло, а по пути домой он был задержан в Венеции за долги. Когда его старший сын Андроник отказался дать деньги на выкуп, это сделал младший сын – Михаил. Но подчинение Иоанна Риму было абсолютно неприемлемо в Константинополе. Отсюда и его подчинение Мураду в качестве вассала после освобождения.

Османы имели возможность извлечь из этой ненависти балканских христиан к Римско-католической церкви, как и из их взаимной политической неприязни, очень многое. Это привело к официальному признанию ортодоксальной церкви в ущерб католической. Признание означало, что каждая народность, будь то греки или славяне, сербы или болгары, была готова предпочесть господство османов господству со стороны своих соседей и прежде всего господству венгров. Такой дух, сочетаясь с деморализацией, вызванной на Балканах эпидемией чумы, облегчал главную задачу, стоявшую перед Мурадом, как государственным деятелем. Османы-завоеватели были сравнительно малочисленны. В Европе им противостояли массы населения, значительно более многочисленные, чем в любой из покоренных стран Азии, да и более разнообразные и сложные по своему национальному, религиозному и политическому характеру. Как можно осуществить их ассимиляцию? Такова была проблема Мурада, требовавшая проявления высшего мастерства в искусстве государственного управления, по мере того как одна успешная военная кампания следовала за другой.

Христианское население Балкан, мало что или совсем ничего не зная об исламе, едва ли подходило для ассимиляции путем добровольного обращения, как это было с христианами в Азии. Не стоял и вопрос об истреблении этого населения завоевателями, хотя бы из-за отсутствия достаточного числа мусульман-поселенцев, чтобы заменить его. В равной мере Мураду, все еще продолжавшему вести войны, не хватало свободных воинских резервов, способных держать местное население в подчинении с помощью полицейского контроля. Это исключало всеобщую политику принудительного обращения в ислам, которая в любом случае могла бы только спровоцировать и еще больше усилить любую угрозу со стороны христиан. В результате Мурад предпочел проводить в отношении местных христиан в вассальных Балканских странах политику определенной терпимости. Принимая на службу членов военного класса, он использовал в войнах тысячи солдат христианского происхождения, нередко под командова-

нием их собственных князей и правителей. В качестве платы за службу им гарантировались освобождение от налогов и право пожизненного пользования выделенными государственными землями и получаемым с них доходом.

Тем не менее проблема ассимиляции решалась в значительной степени с помощью политики порабощения в различных формах – нечто подобное турки сами испытали на себе на ранних этапах своей истории. Процесс обращения в рабство применялся к военнопленным и жителям захваченных территорий. Закон давал османскому солдату абсолютное право владения захваченными людьми, если они не соглашались открыто признать и исповедовать ислам. Он мог держать таких людей для работ по дому или для сельскохозяйственных работ. Он мог продать их на открытом рынке при условии соблюдения права государства на одну пятую часть рыночной стоимости всех захваченных в плен. Для греков рабство было невыносимым унижением. Императоры Византии продвинулись далеко вперед в деле освобождения рабов. Турецкий закон, таким образом, в определенной степени ускорял обращение в ислам среди христиан, которые предпочитали смену религии утрате своей свободы.

Но система сохраняла гибкость. Многие греки имели возможность купить свободу без обращения. Подобное могло бы произойти в городе, павшем в результате нападения, иногда в соответствии с оговоренными условиями капитуляции, и нередко наступающие армии Мурада предпочитали денежный выкуп обузе в виде рабов. В сельских районах угроза попасть в рабство была меньше. Можно было легко укрыться в горах, а в условиях наступления было мало времени на преследование. Отдельные земли оставались в руках своих покоренных владельцев в обмен на фиксированный налог. На других землях, завоеванных у противника, новые османские собственники нуждались в мужчинах для обработки их поместий, и среди этих людей многие так и оставались не обращенными в ислам.

Вместе с тем женщины, будь то вдовы воинов или молодые дочери греков, сербов и болгар, в основном обращались в рабынь и становились женами и наложницами завоевателей, которые, как правило, не возили за собой своих собственных женщин. Конечным результатом этого было развитие османской расы, сильной и богатой, благодаря смешению множества кровей. Восточная кровь – татар, монголов, черкесов, грузин, персов и арабов, – которая уже текла в жилах турок, смешивалась теперь с кровью балканских и других европейских народов за пределами Балкан, чтобы создать в пределах одного века цивилизацию столь же многонациональную, как и цивилизации греков, римлян и византийцев.

Наконец, в дополнение к этой общей системе кабалы, освобождение от которой могло быть достигнуто путем добровольного обращения в ислам или каким-то иным образом, Мурад набирал в свою армию из числа христиан особую, отборную пехоту, которая должна была служить лично султану. Это был корпус янычар, ени чери, или «новые войска». Введенные Орханом в качестве личной охраны, янычары были теперь преобразованы Мурадом в милицию, предназначенную главным образом для поддержания порядка и защиты завоеванных им территорий христиан в Европе. Основанное на практике принудительного обращения в ислам, это военное подразделение комплектовалось в каждом захваченном районе по одному принципу: привилегия освобождения от воинской обязанности, получаемая путем уплаты подушного налога, не распространяется на мальчиков-христиан определенного возраста. Османские власти могли выбирать из них подходящих рекрутов, которых забирали из семей и воспитывали в мусульманской вере. Функция этих рекрутов заключалась в служении султану: они лично зависели от него и оплачивались им по шкале более высокой, чем в других войсках. Специально отбираемые по силе характера, физическим данным и уму, воспитываемые в духе непреклонности, дисциплинированные и приученные к любого рода невзгодам, воины были, подобно монахам, лишены права жениться, владеть собственностью, заниматься каким-либо другим делом. Их жизнь была посвящена воинской службе под руководством султана.

Вместо христианства они воспитывались на отличавшихся определенной широтой взглядов неортодоксальных мусульманских заповедях ордена дервишей Бекташи, благоговейным патроном которого был Орхан, построивший для ордена монастыри с монашескими кельями в Бурсе. Их шейх, Хаджи Бекташ, благословлял новые войска и вручал им штандарт, украшенный полумесяцем и обоюдоострым мечом Османа. Накрыв рукавом своих одежд голову первого солдата, он давал войску имя и предсказывал его будущее: «Его лик будет ярким и сияющим, его рука сильной, его меч острым, его стрела будет иметь острый наконечник. Он будет побеждать в каждой битве и никогда не вернется иначе как с триумфом». После этого благословения к белой войлочной шапке янычар, своими очертаниями напоминавшей головной убор воителей пограничных областей – ахи, крепился хвост, изображавший рукав дервиша шейха, и украшение в виде деревянной ложки вместо помпона. Знаком отличия войска, символизирующим более высокий уровень жизни, чем у других, были горшок и ложка; офицерские звания были позаимствованы из лексикона полевой кухни – начиная с Первого делателя супа и до Первого повара и Первого водоноса. Священным предметом полка был котел, вокруг которого янычары собирались, чтобы не просто поесть, а держать совет между собой.

Народы Европы вполне могли выразить моральное негодование бесчеловечностью турок с Востока, подобным образом наложивших на христиан кровавый налог, порабощавших юных пленников, отрывавших их от родителей, силой навязывавших чуждую религию и диктовавших образ жизни, которого им отныне предстояло придерживаться. Но следует сделать скидку на нормы воинственного века, когда борьба с врагами безоговорочно воспринималась как составная часть жизни. В этот век христиане сами были столь же негуманны в отношении к другим, будь то христианин или иноверец. Более того, Балканы того времени – запутанный театр военных действий, на котором солдаты-христиане постоянно воевали на стороне турок. Ни разу мусульманские армии Мурада не оказывались без поддержки со стороны войск «неверных», сознательно сражавшихся под руководством командиров-христиан против других христиан. Своей численностью такие контингенты намного превосходили янычар, число которых, хотя и возросло за несколько веков в несколько раз, все равно составляло сравнительно небольшую часть турецких вооруженных сил. Во времена Мурада их было немногим более тысячи человек. Несомненно, с течением времени угроза вербовки сокращала их ряды, побуждая крепостянство скорее принимать ислам, чем жертвовать сыновьями, нужными для работы на земле.

Будучи призванными, эти юноши получали такие преимущества, как высокая степень физической подготовки и технического мастерства, образование, разумный баланс между дисциплиной в казармах и отдыхом в лагерях, надежда на пожизненную карьеру. Здесь был развит *spirit de corps*, дух, основанный на гордости собственным полком, преданности суверену и религиозном братстве. Янычары, таким образом, начинали жизнь, имея достаточно большие преимущества. По мере того как проходили века Османской империи, они получили даже больше, чем их справедливая доля власти.

Система военного рабства шокировала христианский мир. Но она была достаточно давно известна и распространена в исламском мире, особенно среди турок. Они на самом деле извлекли из нее пользу в период собственного порабощения на ранних стадиях истории. Во времена халифата Аббасидов турок похищали, брали в качестве дани или покупали как рабов в немусульманских степях Центральной Азии, воспитывали как обращенных мусульман, а затем в Багдаде их обучали солдатскому ремеслу или же готовили из них чиновников. «Поставка рабов этого вида, – отмечает Клод Каэн, – статус которых был, естественно, намного выше, чем у домашних рабов, принадлежавших частным лицам, похоже, никогда не была затруднительной, и само турецкое население, среди которого она осуществлялась, не имело против нее возражений. Тогда рабство не вызывало в людях чувств, какие стало вызывать позже». Тюрки, подобным образом превращенные в рабов, нередко имели возможность подняться, благодаря системе поощрений, до высоких военных и административных постов.

В государстве Саманидов, преемнике халифата, их власть показала себя сильным фактором сохранения династии, но турки в конце концов ее свергли, чтобы заменить собственной династией рабского происхождения. Схожие династии, основанные лицами рабского происхождения, правили в Египте – речь идет о династии Тулунидов и, позднее, Мамлюков, изначально рабов Саладина и Айюбидов. Последнюю они просто вытеснили, чтобы создать свою собственную династию, аналогичным образом основанную на рабстве, которая продолжалась и при османском режиме.

Османы сами столкнулись при Мураде I с вызовом, на который им пришлось реагировать. В этом случае, по словам Арнольда Тойнби, имел место «географический перенос исконного сообщества из его естественного степного окружения, в котором оно находилось в состоянии борьбы с физической природой, во враждебное окружение, в котором оно обнаружило себя свободным от физического давления десикации, но взамен столкнулось с новой проблемой осуществления господства над враждебными общинами человеческих существ».

Другие кочевые сообщества, вставшие перед той же проблемой, просто попытались «трансформироваться из пастухов овец в пастухов людей».

Но в этом они в целом не преуспели. Господство аваров над славянами длилось всего лишь пятьдесят лет; западные гунны правили венграми не дольше срока жизни самого Аттилы. Все сменявшие друг друга империи монголов просуществовали также недолго. Ошибочность этого принципа правления кочевников заключалась в том, что «человеческий скот», оставаясь работать на собственных землях, продолжал быть экономически продуктивным и довольно скоро начинал объединяться, чтобы изгнать или же ассимилировать своих «пастухов». Те, в этом оседлом окружении, являлись бесполезными паразитами, по сути «трутнями, эксплуатирующими рабочих пчел». Отсюда быстрый подъем, столь же быстрое угасание и падение большинства империй кочевников.

Османы должны были доказать, что представляют собой уникальное явление в истории, исключение из этого правила. Они создали практику «подбора и обучения людей – сторожевых псов, чтобы сохранять порядок среди человеческого стада падишаха и держать его человеческих соседей на расстоянии». Этими помощниками низшего звена были рабы-христиане. Султан Мурад со своими янычарами открыл дорогу институту управления Османской империей, основанному на рабстве, а значит, на верности султану, впоследствии распространив на гражданскую сферу, чтобы охватить все ответвления государственной службы. С этого времени подданные империи христианского происхождения должны были управляться людьми, которые по своему происхождению также почти полностью были христианами. Это было началом длинной череды мусульманских правителей, предпочитавших править своими подданными, христианами и мусульманами, через христианского посредника.

Тем временем небольшой компактный корпус янычар – регулярной пехоты, напоминавшей преторианскую гвардию римлян, не имевшей аналогов в армиях христианских государств того времени, играл активную роль в продолжавшейся на Балканах кампании Мурада и его военачальников, а также в последующем заселении захваченных земель. Янычары сражались, как отметил Гиббон, «с рвением новообращенных против собственных соплеменников-идолопоклонников».

Покорение Фракии открыло османским армиям путь в Болгарию, а оттуда – в Македонию. После необходимого для ассимиляции интервала Мурад вторгся в Болгарию. Он воспользовался тем, что страна после смерти царя была поделена между тремя соперничавшими братьями-наследниками. Этот раздел между старшим, князем Шишманом, и двумя его младшими братьями был настолько выраженным, что на протяжении жизни целого поколения страна была известна как «три Болгарии». К выгоде Мурада, случилось новое потрясение, вызванное вторжением в Западную Болгарию венгров. Это был Крестовый поход против христиан, который

получил благословение папы, и его результатом стало насильственное обращение францисканскими миссионерами из ортодоксальной в католическую веру около двухсот тысяч болгар. Гонения были таковы, что многие приветствовали завоевание страны мусульманами как восстановление их права на свою веру.

На протяжении трех лет, начиная с 1366 года и далее, османы смогли овладеть всей долиной реки Марицы и тем самым аннексировать большую часть Южной Болгарии. Шишман, следуя примеру Иоанна Палеолога, стал вассалом Мурада. Его дочь присоединилась к гарему султана с обещанием, что она не будет обращена в мусульманскую веру. С помощью османских войск Шишман изгнал венгров, но не смог получить, хотя надеялся на это, часть территории, которая принадлежала его младшим братьям. В 1371 году с помощью сербов он повернул оружие против турок, начавших продвижение в западном направлении, но потерпел решающее поражение под городом Самоков, бежал в горы и оставил туркам открытые перевалы, ведущие в обширную долину, лежащую перед Софией.

Мурад, однако, не спешил захватывать Софию. Верный, как и подобает человеку, который занимается не набегам, а строительством империи, своему принципу не торопиться между стремительными, хорошо спланированными кампаниями, он предпочел сначала обезопасить свой левый фланг от сербов, заняв долины Струмы и Вардара. Таким образом, он дал команду на вторжение в Македонию до реки Вардар.

Македонию и Сербию, даже сильнее, чем Болгарию, раздирали внутренние противоречия. Смерть Стефана Душана в то время, когда он собирался двинуться на Константинополь в 1355 году, и наследование престола сыном, которого в народе презрительно называли неджаки, «слабаком», ввергли его бывшую «империю» в состояние анархии и гражданской войны. История повторилась, когда в 1371 году сербская армия снова выступила к реке Марице. Здесь, как и раньше, она потерпела от османов полное поражение под Черноменом, и трое из ее князей утонули или были убиты.

Восточная Македония была теперь завоевана, причем столь же быстро, как и Фракия десятью годами раньше. Ее города Драма и Серре были надежно заселены османами, а церкви переделаны в мечети. Города и деревни в долине Струмы и вокруг нее признали господство османов, тогда как в менее обжитых районах сербы правили в качестве их вассалов. В 1372 году армии турок достигли реки Вардар и форсировали ее. Они османизировали население восточной части долины, а в северной ее части низвели до положения вассала князя Лазаря, который был избран, чтобы править в качестве преемника королей Сербии, но теперь признавался таковым лишь немногими своими людьми. Таков был конец Македонской империи Стефана Душана.

После этой успешной кампании Мурад выдержал десятилетнюю паузу – период стабилизации, считая преждевременным предпринимать вторжение в Венгрию, и сосредоточил свое внимание на действиях в Анатолии. Но он был вынужден вернуться в Европу, когда его ненавистный сын Санджи вступил в нечестивый союз с Андроником, старшим сыном императора Иоанна, который был опозорен и вытеснен своим братом Мануилом, теперь соправителем отца. Санджи и Андроник подняли во Фракии восстания, каждый против своего отца. Осажденные в Димотике, они вскоре были вынуждены сдаться и столкнуться с жестоким возмездием Мурада. После того как греческие повстанцы были связаны друг с другом и сброшены с городских стен в воды Марицы, Мурад ослепил своего сына, а затем обезглавил его. Он приказал отцам молодых турок, участвовавших в восстании, последовать его примеру, ослепив и казнив своих собственных сыновей, и все выполнили этот приказ, кроме двух отцов, которых самих казнили вместо их детей. Мурад настаивал, чтобы император также ослепил своих сына и внука, что и было проделано с помощью кипящего уксуса, но неэффективно. И зрение у них восстановилось. Их выздоровление в общем отвечало интересам Мурада, который опасался соперниче-

ства со стороны своего сына, но стремился оставить в живых Андроника и его отца-императора и тем самым служить целям османов в отношении Константинополя.

Вскоре после этого настала очередь Мануила, младшего сына императора, опозорить свою репутацию. В качестве губернатора Салоник он оказался вовлеченным в заговор с целью сбросить власть Мурада в Серре. Когда заговор провалился и османы осадили Салоники, он бежал в Константинополь. Здесь его отец, опасаясь Мурада, отказался принять его. И он был вынужден просить милосердия Мурада в Бурсе. Султан проявил милость к Мануилу и восстановил его на императорском троне вместе с отцом.

В свое время брат Мануила, Андроник, бежал из башни, в которую заточил его отец. Он осадил Константинополь и вошел в город с генуэзскими и османскими войсками и короновался императором Андроником IV, предварительно отправив в ту же самую башню отца и брата Мануила. Спустя три года они тоже бежали и переправились через Босфор, чтобы вместе предстать перед султаном в качестве просителей. Мурад, теперь уже уверенно манипулировавший обеими партиями в византийской династической борьбе, настоял, чтобы Андроник был прощен и получил пост губернатора Салоник вместе с другими городами. Но он восстановил Иоанна и Мануила на императорском троне в обмен на большую ежегодную дань, обещание поставить значительный контингент византийских солдат для службы в османской армии и уступку османам Филадельфии – последнего крупного города Византии. Когда филадельфийцы выразили протест, Иоанн и Мануил стали сражаться в рядах османской армии за навязывание своим единоверцам мусульманского ига. Такой была последняя степень деградации, до которой опустился император Византии. Он мог продолжать править только благодаря милости и расположению турецкого султана.

Мураду все еще были нужны три города для полного укрепления своих позиций на Балканах: София – чтобы распространить свою власть на Северную Болгарию вплоть до Дуная; Ниш – ключ к Сербии; Монастир – чтобы установить османское господство над территориями к западу от Вардара, до тех пор подвергавшимися только набегам. В течение шести лет с момента возвращения Мурада после кампаний в Азии его военачальники достигли всех этих целей. Монастир вместе с Прилепом, что к северу от него, стал пограничной крепостью Османской империи в 1380 году. Хотя войска османов еще не предпринимали попыток завоевания прилегающих земель Албании и Эпира, они вошли туда по приглашению местных правителей, искавших защиты от собственных врагов.

Чтобы двинуться дальше в Сербию, необходимо было оккупировать Софийскую равнину. Она расположена в самом сердце Балкан, где сходятся три горных хребта, господствующие над долинами трех главных рек, текущих соответственно на север и на юг – к Дунаю и к Средиземному морю. Сама София, расположенная на реке Искыр, которая, изгибаясь, течет к Дунаю, пала без сопротивления в 1385 году. Командир ее гарнизона был предан, когда он находился вне города, а затем задушен молодым турецким беженцем, который ранее был его доверенным сокольниковым. Теперь была открыта дорога на сербский город Ниш, что на Мораве. Он пал после борьбы в следующем году, и его правитель, Лазарь, был вынужден уплатить османам повышенную дань и выделить воинский контингент в их армию.

В Европе Мурад в качестве хозяина шести ключевых балканских городов теперь контролировал четыре пятых бывшей римской дороги из Константинополя в Белград и участок дороги от Белграда к Салоникам. Теперь практически весь путь от Босфора до Адриатики, за исключением однодневного перехода в конце, проходил по территории османов. С учетом отрезка, идущего через Малую Азию от Ангоры до Босфора, общее время в пути от восточных до западных границ Османской империи составляло сорок два дня. Во время восшествия Мурада на престол двадцатью семью годами ранее назад на путешествие от одной границы до другой требовалось всего три дня.

Еще в 1335 году Мурад получил подтверждение своего статуса наследника Византийской империи с берегов Адриатики, когда республика Рагуза предложила ему подписать торговый договор. Это был первый из многих договоров, которые заключались между Османской империей и другими державами в последующие века. В обмен на значительную ежегодную дань жители Рагузы получили право торговать в империи и плавать в открытом море без помех со стороны османов. Договор был скреплен Мурадом, который не умел писать, отпечатком большого пальца. Таково было происхождение тугры, которое в каллиграфической форме сохранялось при каждом последующем султানে в качестве официальной печати Османской династии.

Двадцатью годами позже Венеция и Генуя подписали договора с императором Византии, намереваясь защитить его от любых врагов, но исключая «Морат Бея и его турок». Генуэзцы дополнили этот документ официальным договором о дружбе с «великолепным и могущественным повелителем повелителей Моратибеем». Это, однако, не помешало им год спустя присоединиться к наступательному союзу «против этого турка, сына нечестивости и зла, врага Святого Креста, Морат Бея и его секты, которые пытаются столь ужасно атаковать «христианскую расу».

Мурад вел войну поочередно на двух фронтах, одном – в Европе и другом – в Азии. За наступлением на одном фронте, как правило, следовало продвижение на другом, с тем чтобы избежать опасности ведения войны одновременно на обоих фронтах. В Азии он хотел расширить и обезопасить свою власть за счет владений других турецких князей из внутренних районов страны. Решение этой задачи облегчалось по мере роста силы и престижа расширяющихся приграничных владений гази. После захвата Ангоры, что в центре Анатолии, на втором году правления Мурад сконцентрировал свои силы главным образом в Европе. Он здраво рассудил, что только при поддержке людских и материальных ресурсов Балкан и их ассимилированного христианского элемента он может быть уверенным в ассимиляции Малой Азии. Более того, он прекрасно осознавал, что угроза со стороны стоящего перед ним христианского мира остается большей, чем любая угроза со стороны мусульманских элементов у него в тылу. Но в данной обстановке перспектива любого Крестового похода на Балканах существенно уменьшилась. Южные славяне были в ссоре с венграми; в Сербии царила анархия; в Болгарии не хватало лидеров; а Византию раздирали на части династические распри. Кроме того, армия Мурада постоянно пополнялась за счет воинских контингентов, выделять которые султану были обязаны попавшие в вассальную зависимость христианские князья. И после покорения им Македонии (вслед за Фракией и Южной Болгарией) Мурад почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы перебросить силы из Европы в Азию.

В действительности он смог достичь своих предварительных целей в Малой Азии без военных действий. Большая часть анатолийского бейлика Гермиян, соседствующего с владениями османов, вместе со стратегически важным городом Кютахья была гарантирована ему женитьбой в Бурсе его сына Баязида на дочери эмира, за которой давали богатое территориальное приданое. Церемония бракосочетания отличалась великолепием, чуждым традициям более простых османских предков Мурада, но очень похожим на традиции византийского двора. После этого Мурад приобрел территорию в Хамиде, что между Гермияном и государством Карамания, купив ее у местного эмира, который считал, что османская оккупация Кютахьи угрожает его безопасности. За территорию Текке, расположенную южнее, Мураду пришлось воевать. Но он ограничился захватом нагорий вокруг озерной части региона, оставив местному эмиру южные долины и низины между Тавром и Средиземным морем.

Когда пришло время разобраться с более крупным и грозным государством Карамания, с которым теперь имелась общая граница, Мурад собрал в Кютахье армию, левое крыло которой под командованием его сына Баязида было составлено из греческих, сербских и болгарских войск, предоставленных в распоряжение турок, согласно договору, императором Иоанном и правителями соответствующих стран. Битва произошла в 1387 году на обширной равнине

перед Коньей. Она ничего не решила – каждая из сторон заявляла о своей победе. Город Конья устоял. Мурад не приобрел ни территории, ни трофеев, ни обещания выплатить дань или оказать военную помощь – а всего лишь примирение с эмиром Карамании в форме смиренного целования им руки. Победоносный в сражениях с христианами Балкан, Мурад таким образом встретил равного себе соперника в лице могущественного мусульманского властителя и не смог расширить свои владения дальше в Азию.

Косвенным образом эта битва втянула его в другую крупную кампанию на Балканах. Чтобы избежать антагонизма со стороны мусульман Малой Азии, Мурад приказал своим войскам воздерживаться от грабежей и насилия. Этот приказ привел в ярость сербский контингент, считавший, что, согласно правилам войны, трофеи есть награда солдатам за их службу. Некоторые из них поэтому не подчинились приказу и были казнены на месте. Остальные вернулись в Сербию, все еще кипя от возмущения из-за такого обращения. Это дало Лазарю, князю Сербии, возможность усилить сопротивление сербов османскому вторжению, которое после захвата Ниша теперь угрожало остальной части Верхней Сербии и Боснии. Лазарь создал большой сербский союз и заручился поддержкой князя Боснии, власть которого простиралась до берегов Адриатики. Ответом османов было форсирование Вардара и вторжение в Боснию. Уступая в численности, они потерпели поражение под Плочником, потеряв четыре пятых своей армии. Этот перерыв в череде османских побед стал причиной небывалого подъема воинского духа у балканских славян. Сербы, боснийцы, албанцы, болгары, валахи и венгры из приграничных провинций – все, как никогда раньше, сплотились вокруг Лазаря в решимости изгнать турок из Европы.

Мурад в это время оставался в Малой Азии, не проявляя ненужной спешки с отмщением за поражение, нанесенное ему под Плочником. Он предпочел выждать, чтобы не только восполнить свои потери, но и посмотреть, как долго его враги после первого эмоционального всплеска решимости и надежды смогут сохранить свое единство. Руководствуясь опытом прошлых лет и острым политическим чутьем, Мурад хорошо знал, что солидарность среди славянских народов часто бывала эфемерной.

Поэтому, прежде чем вновь повернуть оружие против сербов, Мурад в 1388 году начал кампанию по полному завоеванию Болгарии. Князь Шишман уже в начале войны удалился в крепость на Дунае и запросил мира. После получения условий Мурада он передумал и решил на последнее, отчаянное сопротивление. Но он недооценил силу османов, которые вскоре нанесли ему поражение и взяли в плен. В результате османы утвердили свое господство в Северной и Центральной Болгарии вплоть до Дуная, заняв несколько крепостей на стратегических участках берега реки, чтобы контролировать перевалы через Балканские горы. Хотя князь Шишман остался вассалом султана, он едва ли находился в достаточно сильной позиции, чтобы помочь своим собратьям славянам из большого союза.

Разделавшись таким образом с Болгарией, Мурад, которому было уже семьдесят лет, лично повел свою могучую армию в заключительную кампанию против сербов. К нему присоединились войска болгар и двух сербских перебежчиков с перспективой поддержки от третьего. Решающая битва за судьбу независимой Сербии произошла на пустынной холмистой равнине «черных дроздов» под Косовом, в месте, где сходились границы Сербии, Боснии, Албании и Герцеговины. Уступая в численности, армия турок была чрезвычайно сильна своей верой в успех и моральными качествами. Мурад был настолько уверен в победе, что дальновидно приказал, чтобы в ходе сражения не пострадал ни один замок, город или деревня этого региона. Воюя за обладание богатой страной, не в интересах столь дальновидного и мудрого политика уничтожать ресурсы или без надобности ожесточать против себя население страны.

У сербов, с другой стороны, было предчувствие поражения, в основном из-за взаимного недоверия и подозрений относительно возможного предательства в собственных рядах. В обращении к войскам накануне битвы князь Лазарь, которому всегда не хватало авторитета и кото-

рому теперь не хватало еще и уверенности, открыто обвинил в измене своего зятя Милоша Обилича. Сам Мурад высказал опасение, что ветер, дующий со стороны врагов, может засыпать пылью глаза османов. На протяжении всей ночи, как указано в записях, он молил Небеса о защите и об оказании ему милости. Он желал умереть за истинную веру смертью мученика, ибо только она заслуживает вечного блаженства.

На следующее утро ветер стих. Османская армия развернулась для битвы в привычном порядке: в центре находился султан с янычарами и кавалерийской гвардией; на правом фланге – его старший сын Баязид, командовавший европейскими войсками (поскольку битва была в Европе); слева – его младший сын Якуб, командовавший азиатскими частями. Османы атаковали авангардом в две тысячи лучников. Сербы ответили атакой, прорвавшей левый фланг османов. Баязид с правого фланга пришел на выручку, нанеся массивный контрудар, доблестно сражаясь и лично поражая своих врагов массивной железной булавой. Исход дела оставался неясным – османы продолжали обороняться – когда другой зять Лазаря, Вук Бранкович, возможно благодаря вероломному предварительному сговору с Мурадом, вышел из боя с двенадцатью тысячами воинов. Его дезертирство настолько ослабило сербов, что они разбежались.

Мурад оказался прав в своей оценке отсутствия единства среди славян во время битвы. Но его вечерняя молитва, обращенная к Всевышнему, была услышана буквально во всем. И он сам пал на поле битвы. История этой трагедии была изложена различными источниками в нескольких противоречивых версиях. Наиболее правдоподобной представляется версия, согласно которой убийство было совершено во время или после битвы Милошем Обиличем. Узвленный обвинениями в измене со стороны своего тестя Лазаря накануне вечером, он исполнился решимости доказать свою верность. Он притворился, что переходит на сторону турок, и, оказавшись в их лагере, потребовал аудиенции у Мурада. Когда аудиенция была дарована, Милош в притворном смирении опустил перед султаном на колени, а затем вонзил ему в грудь кинжал, «дважды», как утверждали позже, причем «кинжал пронзил его насквозь». Он не сумел бежать и был растерзан османскими солдатами. После покушения Мурад еще некоторое время оставался в живых и успел отдать приказ о введении в бой резерва, что принесло османам решающий успех. Последним деянием Мурада перед смертью был приказ «привести к нему Лазаря и приговорить его к казни».

Таким был внезапный конец этого первого великого султана Османской империи. Он имел место в момент победы в исторической битве, от которой побежденные уже не смогли оправиться. Мурад I возвысил Османское государство своих предков до уровня империи, которой было суждено стать могущественной мировой державой. Как султана его затмили в глазах истории два еще более могущественных суверена: Мехмед Завоеватель и Сулейман Законодатель. Его достижения заключались в том, что он, посредством завоевания и последующего управления обширными территориями, заложил основы империи, на которых они осуществляли дальнейшее строительство и расширение.

Мурад был не просто воином. Он преуспел в военном искусстве, стал мудрым стратегом, беспощадным, даже жестоким в бою, уверенным в своих военачальниках, которым он был всегда готов передать право командования. Но его сила в отнюдь не меньшей степени заключалась и в искусстве поддерживать мир. Он был правителем выдающегося политического ума. Как только битва была выиграна, он сразу же начинал заботиться о том, чтобы жизнь на завоеванных христианских территориях продолжалась под властью ислама с минимальными социальными и экономическими нарушениями. Ни одна из сложившихся османских традиций управления не соответствовала в точности обстановке на европейских землях. Должны были появиться новые системы административного управления, находившиеся в прагматическом соотношении с условиями времени, места и обычая. Это было достигнуто при Мураде – кото-

рый доверял своим чиновникам не меньше, чем своим командирам, – на достаточно компетентной и справедливой сбалансированной основе.

В оценке характера своих подданных и врагов, будь то грек или славянин, Мурад проявлял удивительную психологическую интуицию. Истинный мусульманин, он тем не менее управлял «неверными» христианами своей новой империи с терпимостью, поразительной в своей противоположности отношению со стороны их собственных единоверцев-христиан, принадлежащих к Римско-католической церкви. Он никогда не санкционировал преследований христиан и, за исключением янычар, не предпринимал никаких насильственных обращений в ислам. Патриарх ортодоксальной церкви лично свидетельствовал в письме папе римскому в 1385 году, что султан оставил его церкви полную свободу действий.

Таким процессом ассимиляции Мурад I сеял семена многонационального, многоконфессионального и многоязычного общества, которое должно было эффективно функционировать под управлением его преемников в предстоящие века. Этот процесс создал на больших пространствах *Rax Ottomanica*, который со временем заслужит сравнение с *Rax Romana* более ранних веков. По своей сути композитная Османская империя должна была стать, благодаря своей эклектичной политике, истинным преемником Римской империи. Ибо она позаимствовала римскую традицию предоставления иностранцам гражданства, натурализовала их по собственным образцам и поощряла использовать свои возможности как к собственной выгоде, так и к выгоде империи. Она предоставляла подданным султана христианского происхождения на равных с мусульманами от рождения возможность достигать высших официальных постов в государстве. Подобная практика, с точки зрения профессора Тойнби, «позволила римлянам первыми создать империю, а затем вновь и вновь оживлять ее». В оценке достоинств этой практики он заходит достаточно далеко и утверждает, что османы «смогли построить империю, которая действительно была пятым возрождением Римской империи на Ближнем и Среднем Востоке» и которая просуществовала в этом качестве вплоть до первой четверти XX века.

Глава 4

После убийства Мурада его старший сын был сразу – непосредственно на поле битвы под Косовом – провозглашен преемником, как Баязид I. В ответ на давление со стороны государственного совета, опасавшегося конфликта по поводу наследования престола, его первым актом в роли султана, совершенным над мертвым телом отца, был приказ умертвить его младшего брата путем удушения с помощью шнура. Это был Якуб, его товарищ по командованию во время битвы, отличившийся на поле боя и завоевавший популярность в войсках. Баязид, таким образом, ввел в практику братоубийства на имперском уровне, которая основательно укоренилась в истории Османской династии. Она основывалась на доводе, что убийство предпочтительнее подстрекательства к мятежу, к чему нередко прибегали братья какого-либо султана, оправдываясь удобным текстом из Корана: «Столь же часто, сколько они возвращаются к подстрекательству, они должны быть сметены с лица земли на том же самом месте; и если они не отходят от тебя, и предлагают тебе мир, и удерживают свои руки от борьбы с тобой, возьми их и убей их, где бы ты ни обнаружил их».

В следующем веке эта бесчеловечная традиция была законодательно закреплена указом его потомка, Мехмеда II Завоевателя, ранее задушившего в ванной своего брата-инфанта. До этого лидеры османов проявляли гибкость в отношении законов престолонаследия. Отныне и впредь в начале каждого нового правления они должны были следовать этой отнюдь не гибкой практике, таким способом охраняя принципы своей безраздельной власти и помогая гарантировать непрерывное выживание своей династии на протяжении веков.

Вскоре стало очевидным, что Баязид обладал лишь немногими из добродетелей своего отца. Торопливый и импульсивный от природы, он был непредсказуем как государственный деятель, нарушая традиции более осмотрительного поведения своих османских предков. С другой стороны, он был лихим и очень способным военачальником, остро чувствующим дух сражения. За быстроту перемещений его армий по Европе и Азии и с одного континента на другой его прозвали Йылдырым, иначе Молниеносный, или Удар Молнии, вполне подходящее определение, как считает Гиббон, для «бешеной энергии его души и скорости его разрушительного марша».

В Европе, отомстив за смерть своего отца массовой резней, в которой была уничтожена большая часть сербской знати из числа находившейся на Косовом поле, он быстро пришел к соглашению с сыном Лазаря, Стефаном Вулковичем, наследовавшим своему отцу. Рассудив, что сербы больше не представляют для него угрозу и их войска необходимы – так же Мурад поступал во время кампаний в Малой Азии – для защиты долины Дуная от более грозных венгров, Баязид заключил со Стефаном дружественный союз, который действовал на протяжении всего срока его правления. Сербия не включалась в состав Османской империи, сохраняя статус автономного вассального государства. Стефану в обмен на уплату ежегодной дани, выделяемой из доходов от сербских серебряных рудников, были сохранены все привилегии его отца; он отдал свою сестру Деспину замуж за Баязида; он взялся командовать контингентом войск османской армии и поставлять сербские войска, когда бы и где бы Баязид ни потребовал их. Существовавшие ранее поводы для недовольства были ликвидированы справедливым разделением трофеев. Тем временем на части захваченных у Сербии территорий были основаны колонии мусульман. Косово было, таким образом, прощено – хотя никогда, согласно сербским легендам, не забыто.

Затем Баязид обратил свое внимание на Малую Азию. Здесь его страстные и не отличающиеся терпением планы завоеваний могли обернуться его гибелью и поставить под угрозу будущее всей его империи. Вначале ему сопутствовал успех. Он сделал своим вассалом эмира Айдына и нанес поражение в битве эмирам Сарухана и Ментеше, тем самым утвердив осман-

ское присутствие на Эгейском море, где до них селились только другие тюркские племена, и впервые достигнув Средиземного моря. Так постепенно начал формироваться образ Османской империи как морской державы. Тем временем, потерпев неудачу в попытке вырвать Смирну из рук крестоносцев рыцарского ордена госпитальеров, османы заявили о своем появлении на море, опустошив остров Хиос, совершая набеги на побережье Аттики и пытаясь организовать торговую блокаду других островов Эгейского моря. Но как мореплаватели они пока еще не могли сравниться с флотами итальянских торговых городов Венеции и Генуи.

Потом, имея выгоду от поддержки вассалов-христиан, в том числе Мануила Палеолога, будущего императора Византийской империи, который лично прибыл в лагерь османов, чтобы служить султану, Баязид вторгся в Караман и осадил Конью, как до него это сделал его отец. После двух кампаний – с нарушением жителями Карамана мирного урегулирования в промежутке между ними, сопровождавшимся стремительной переброской подкреплений из Европы, – Караман был разгромлен в битве при Акчае и занят османами. За этим актом последовала оккупация Кайсери и Сиваса, расположенных неподалеку, и Кастамону на севере. Это дало османам доступ к порту Синоп на Черном море. Теперь Баязид мог похвастаться, что стал хозяином большей части Анатолии.

Однако его господство было поверхностным. Нередко оно оставляло лишь царапину на поверхности завоеванных им земель. Мурад, проводивший дальновидную политику ассимиляции, привел под власть османов обширные районы христианской Европы, которые приняли его правление, и не всегда против своей воли. После молниеносных завоеваний в Азии Баязид не предпринял подобных систематических попыток ассимиляции. Он действительно осуществил оккупацию османами обширных районов Анатолии. Но, за некоторыми исключениями, они не находились в истинном смысле под управлением османов. Населявшие эти районы народы, по большей части, добивались возвращения из ссылки своих собственных прежних правителей. Баязид, обычно находившийся со своим двором в Европе, не решил ни одной из проблем, которые повлекли за собой эти завоевания. Между кампаниями он предпочитал предаваться чувственным наслаждениям двора, известного роскошью, напоминавшей Византию в дни ее величия, неограниченному обжорству, пьянству и разврату с женщинами и мальчиками своего гарема. При всех этих излишествах Баязид отличался глубокой религиозностью. Он соорудил для себя небольшую келью на крыше своей мечети в Бурсе и на долгое время удалялся в нее для мистического уединения, а также подолгу общался с богословами из своего исламского окружения.

После побед, одержанных им в Малой Азии, которую он оставил в руках губернаторов, Баязид вернулся в Европу. Здесь его больше всего занимал вопрос, связанный с Венгрией, король которой, Сигизмунд, стал его главным врагом. Действуя в провокационном духе, Баязид и раньше инициировал набеги на Венгрию и за ее пределы, где турок стали рассматривать как страшную угрозу Центральной Европе. Участники одного из набегов переправились через Дунай и провели первое сражение османов на Венгерской земле, приобретя союзника в лице воинственной Валахии, стремившейся освободиться от власти венгров. Сигизмунд, понимая серьезность османской угрозы, направил Баязиду послание, жалуясь на вмешательство Болгарии, находившейся под венгерским покровительством. Баязид высокомерно отказался отвечать, лишь обратив внимание королевского посла на оружие, висевшее в его шатре.

Ответом Сигизмунда стало вторжение в Болгарию. Он захватил крепость Никополь на Дунае, но был вынужден оставить ее, когда против него выступило большое османское войско. Мурад, разгромив правителя Шишмана, разрешил Болгарии сохранить определенную автономию в качестве вассального государства. Но теперь Баязид, не доверяя Шишману как союзнику в случае вторжения венгров, направил османскую армию против Болгарии и, казнив Шишмана, присоединил всю страну к Османской империи. Подобно Фракии и Македонии, Болгария стала составной частью империи и вместе с Валахией в качестве вассального государства создала на

Дунае сильный заслон против Венгрии. Ликвидируя подобные местные династии, Баязид сделал большой шаг в направлении создания на Балканах централизованной имперской власти. В последующем процессе османизации и, в какой-то степени, исламизации Болгария утратила не только свою независимость, но и свою автокефальную ортодоксальную церковь, живой символ болгар как народа. Ранее частично латинизированная, она теперь оказалась под властью священников греческой ортодоксальной церкви, которых нередко было труднее выносить, чем мусульманских пашей.

Баязид тем временем готовился повернуть свои силы против Константинополя. В 1391 году скончался император Иоанн V Палеолог. Его преемник Мануил, послушный вассал султана, был низведен до крайней степени унижения – по сути, он вел полуголодное существование, удостоившись должности лишь немногим выше, чем презренный камердинер при дворе своего господина. Теперь он бежал в Константинополь, где обеспечил себе обладание императорским тронном. Его покойный отец начал восстанавливать стены города и сносить церкви, чтобы перестроить их, искусно замаскировав орнаментом, фортификационные башни, которые закрывали с флангов вход в бухту Золотой Рог. Услышав об этом, Баязид приказал снести башни, угрожая, что иначе Мануил будет ослеплен. Последним актом императора Иоанна перед смертью было подчинение приказаниям султана.

Мануил, взойдя на престол, столкнулся теперь с ультиматумом Баязида, требовавшим не только продолжения вассальной зависимости и более крупной дани, но и учреждения в Константинополе должности кади, или судьи, для нужд мусульманского населения. За этим требованием последовал приход под стены Константинополя турецкой армии, по пути безжалостно убивавшей или обращавшей в рабство тех греков из Южной Фракии, которые еще оставались христианами. Так началась первая османская осада Константинополя.

Город был плотно окружен в течение семи месяцев. Затем Баязид снял осаду, но на еще более жестких условиях, чем раньше. Император Мануил был вынужден согласиться на учреждение в пределах городских стен исламского суда и выделение мусульманским поселенцам одного из кварталов города. Половина порта Галата на противоположном берегу Золотого Рога была отдана для размещения турецкого гарнизона численностью шесть тысяч человек. Помимо возросшей дани османы потребовали десятину с виноградников и участков для выращивания овощей, расположенных за городскими стенами. С этого времени призывы к молитве, звучащие с минаретов двух мусульманских мечетей, стали слышны по всему городу, который османы стали именовать Стамбул – искаженное греческое *is tin poli*, «к городу».

Баязид продолжал блокировать город со стороны суши. Двумя годами позже он снова подвергся нападению, по наущению и при поддержке османских войск, молодого Иоанна Палеолога, племянника Мануила, который не без оснований объявил себя законным наследником трона. Но атака была отбита. В 1395 году Баязид позволил себе, как «наследнику Цезаря», провести в Сересе суд, на который он вызвал, среди других вассалов, императора, его брата и племянника и, повинувшись порыву, приказал умертвить всю семью Палеолог. Приговор был отменен, благодаря великому визирю Али-паше, который откладывал его исполнение до тех пор, пока султан не передумал и не согласился на компромисс – отрубить руки и выколоть глаза нескольким византийским сановникам. Мануил II, таким образом, продолжал править и проявил себя достаточно умелым правителем.

А тем временем внимание Баязида привлекла новая угроза со стороны короля венгров Сигизмунда. Раздраженный набегами османов и угрозами от их крепостей на Дунае, он начал добиваться поддержки от западных христианских держав нового Крестового похода, чтобы пойти «против турок, к их ущербу и разорению». Мурад всегда был крайне осторожен между кампаниями, чтобы избежать ненужного провоцирования христианского мира, силу которого

он не приуменьшал. Баязид был менее осмотрительным в своей политике по отношению к христианам. Претенциозный от природы, он надменно объявил итальянским послам в начале своего правления, что после завоевания Венгрии он совершит поход на Рим и накормит своего коня овсом на алтаре собора Святого Петра. С той поры, представляясь главным защитником ислама, он продолжал открыто заявлять о своих агрессивных намерениях в отношении христианства.

Именно подобные угрозы только побудили Сигизмунда попытаться организовать Крестовый поход. Он не получил реальной поддержки пап – они только пожелали ему успеха. Венецианцы проявили уклончивость, не доверяя венграм еще больше, чем османам; генуэзцы лишь конкурировали с венецианцами за торговые льготы от Баязида, а Неаполь и Милан поддерживали с османами дружественные контакты. Таким образом, чтобы найти желающих участвовать в кампании «по изгнанию турок из Европы», Сигизмунд был вынужден направить своих эмиссаров во Францию, ко двору страдавшего приступами безумия короля Карла VI. Дядя короля, герцог Бургундский, заявил о готовности, хотя и по личным мотивам, поддержать смелое предприятие, обещая Сигизмунду вооруженный отряд рыцарей и наемников под командованием своего юного сына графа Неверского.

Призыв Сигизмунда нашел широкий отклик в феодальной Европе. Момент был исключительно благоприятным – окончилась Столетняя война, и в Священной Римской империи установился мир. Под знамена Сигизмунда встали не только французы, но и знатные рыцари из Англии, Шотландии, Фландрии, Ломбардии, Савойи и всех частей Германии, а также авантюристы из Польши, Богемии, Италии и Испании. В последний раз в истории вместе собралась элита европейского рыцарства, чтобы принять участие в Крестовом походе, столь же светском, сколь и религиозном, имевшем целью остановить молниеносное продвижение Баязида и раз и навсегда изгнать турок с Балкан. Так «интернациональная» армия, составленная из собственных войск Сигизмунда, контингентов рыцарей с их эскортом и отрядов наемников, общей численностью в несколько сотен тысяч человек, собралась в Буде в начале лета 1396 года. Это была крупнейшая армия христиан, когда-либо противостоявшая «неверным». К тому же она имела дополнительную поддержку со стороны флота, укомплектованного госпитальерами, венецианцами и генуэзцами, находившегося в Черном море в районе устья Дуная, который позже должен был подняться вверх по реке.

Начиная с мая Сигизмунд ожидал вторжения Баязида в Венгрию с другого берега Дуная. Когда оно не состоялось и его разведчики не смогли обнаружить никаких признаков врага, он отдал предпочтение оборонительной стратегии, рассчитанной на то, чтобы заманить турок в Венгрию и там атаковать их. Однако рыцари мечтали о большом и славном наступлении. Когда вторжение не состоялось, они поверили в своем незнании географии, что Баязид (которого они в любом случае путали с Амуратом, или Мурадом) рекрутировал войска «в Каире и Вавилонии», а сосредоточил их в Александрии и Дамаске. По их мнению, Баязид получил в свое распоряжение «под командованием и духовным напутствием халифа Багдада и Малой Азии» армию «сарацин и неверных», которая включала «людей из Татарии, Персии, Мидии, Сирии, Александрии и из многих других земель неверных». Если он не пришел, тогда они, как им мечталось, сами пройдут через владения турок вплоть до империи персов, «завоюют Сирию и Святую землю» и, по словам Фруассара, «освободят Иерусалим от султана и его врагов». Баязид же не пришел потому, что был занят осадой Константинополя.

Тем временем крестоносцы решили, что им «нет резона стоять без дела; они должны совершать боевые подвиги, поскольку именно в этом заключается цель их пребывания здесь». Итак, они отправились вниз по долине Дуная, достигли Оршовы, вблизи Железных ворот, и переправились через реку, на что ушло восемь дней. Венгры, не встречая сопротивления, рассеялись по Сербии, двигаясь вверх по долине Моравы, где они обнаружили хорошие вина, «налитые в бурдюки турками, которым по закону, под страхом смертной казни, запрещено пить

их; и вместо этого они продавали их христианам». Они захватили Ниш с «великим убийством мужчин, женщин и детей. Христиане не жалели никого» – даже меньше, чем османы.

В Болгарии ворота Видина, первой крепости на Дунае, были открыты перед ними христианским командиром, и турецкий гарнизон был вырезан. Следуя далее вниз по реке, крестоносцы атаковали следующую крепость, Ряхово. В этом месте большой турецкий гарнизон, оказавшись лицом к лицу со всей христианской армией франков и венгров, сдался и основная масса населения, включая многих болгарских христиан, была предана мечу. Войска христиан соединились в общий лагерь перед ключевой крепостью Никополя, где все еще не было никаких признаков вторжения турецкой армии. Непредусмотрительные войска с Запада не привезли с собой осадных машин, а Сигизмунд подготовился только к оборонительной войне. Не обладая необходимой техникой, они расположились под стенами, надеясь голодом принудить город к сдаче.

Западные рыцари в отсутствие противника для схватки рассматривали всю операцию скорее как пикник. Они наслаждались женским обществом, винами и предметами роскоши, привезенными из дома, играли в азартные игры, перестав с присущим им высокомерием верить в то, что турки вообще когда-либо смогут быть для них опасным противником. Тем солдатам, которые осмеливались думать иначе, отрезали уши в наказание за пораженческие настроения. Одновременно все чаще стали возникать ссоры между различными контингентами, среди которых валахи и трансильванцы не считались надежными.

Никаких признаков появления Баязида не было еще шестнадцать дней. Но вот он внезапно, с привычной для него быстротой появился у стен города там, где дважды до этого одерживал победы, с армией, как сообщили Сигизмунду, из двухсот тысяч человек. Сигизмунд знал своего врага, был уверен, что с турецкой армией, прекрасно обученной, дисциплинированной и более подвижной, чем армия крестоносцев, нельзя шутить. Он настаивал на необходимости тщательно согласованного плана действий. Предварительная разведка была проведена опытным французским рыцарем де Курси, который наткнулся на подразделение турецкого авангарда в горном ущелье и нанес ему поражение, набросившись на врага с криками: «Дева Мария на стороне де Курси!» Этот успех вызвал всего лишь зависть других французских рыцарей, которые обвинили его в тщеславии. Сигизмунд пытался внушить им, что необходимо сохранять оборонительные порядки, дать возможность пехотинцам – венграм и валахам – сдерживать первую атаку, в то время как кавалерия и наемники образуют вторую линию – для нападения или обороны. Это предложение привело французских шевалье в ярость, они считали, что венгерский король пытается присвоить себе «цветок славы дня и чести». Первыми в бой должны были вступить они.

Граф д'Элю при поддержке других французов отказался подчиниться Сигизмунду и крикнул своему знаменосцу: «Знамя вперед, во имя Господа Бога и святого Георгия, ибо они увидят сегодня, какой я славный рыцарь». И «под знаменем Божьей Матери» они бездумно ринулись в битву, уверенные в том, что разобьют презренных нечестивцев. «Рыцари Франции, – пишет Фруассар, – были великолепно вооружены... Но мне сказали, что... когда они двинулись вперед на турок, их было не более семисот человек. Подумайте о безрассудстве и печали этого поступка! Если бы только они подождали короля Венгрии, у которого было по меньшей мере шестнадцать тысяч человек, они могли бы совершить великие подвиги, но гордыня стала их гибелью».

Начав атаку от подножия вверх по склону холма, крестоносцы застали врасплох и перебили сторожевую охрану Баязида. Рассеяв его кавалерию, они спешили и продолжили атаку в пешем строю против его пехоты, замедлив шаг, проходя частокол, защищавший позиции пехоты, и вновь ускорив движение, которое разметало и эти войска. Мечи рыцарей были обогреты кровью. День, как они свято верили, был за ними. И лишь достигнув вершины холма, крестоносцы увидели главные силы султана численностью шестьдесят тысяч человек, основа-

тельно усиленные сербами, которые стояли в боевых порядках на противоположном склоне, готовые к сражению. Верный своей обычной тактике, с которой Сигизмунд был знаком, Баязид поставил в первые ряды своих необученных новобранцев, которых было не жалко потерять, но силы противника при этом истощались. Затем «всадники Баязида, его пехота и колесницы двинулись на них в боевом построении, как луна, когда она новая». Спешившиеся рыцари, которых тянули к земле тяжелые доспехи, оказались беспомощными. Они были разбиты наголову. Их лошади прискакали обратно в лагерь без наездников. Цвет европейского рыцарства был перебит и остался лежать на поле под Никополем или же оказался в руках турок в качестве пленных.

Согласно традиции того времени рыцари оставались, по сути, воинами-любителями, сражавшимися по старинке в романтическом духе. Они не имели ни профессионального мастерства в сфере военного дела, которое совершенствовалось из века в век, ни военных навыков турок, которые были более дисциплинированы, отлично обучены, знали тактику ведения боя и, главное, не имели мобильных легковооруженных сил и конных лучников. Эти уроки Сигизмунд с венграми начал получать на практике. Он со своим войском устремился вслед за крестоносцами, но знал, что, раз его советом пренебрегли, значит, битва проиграна. «Если бы они только поверили мне, – сказал он, – у нас было много сил, чтобы сразиться с врагом». Перед битвой он похвастался: «Если бы небо обрушилось на нашу армию, у нас хватило бы копий, чтобы подпереть его».

Теперь же Сигизмунду удалось спастись, и он сумел добраться до своих кораблей на Дунае вместе с Великим магистром госпитальеров, в то время как оставшиеся в живых солдаты его армии вместе с уцелевшими рыцарями бежали от османов. Некоторые из них добрались до кораблей, но тысячи других вынесли жестокие тяготы, совершив переход через Карпаты. На следующий день Баязид, осматривая поле битвы и оценивая свои потери, приказал убить всех пленных, пощадив только графа Неверского, его советников и несколько богатых рыцарей в надежде получить за них солидный выкуп. Пленников заставили встать за спиной султана, чтобы те видели, как обезглавили их товарищей по оружию, стоящих на коленях и связанных друг с другом.

В летописи сказано: «Число людей, убитых в тот день, оценивается в десять тысяч человек». Вот так последний из Крестовых походов закончился катастрофическим поражением от мусульман в самом сердце христианской Европы. Султан, удовлетворенный своей победой, не был склонен развивать успех. В прощальной речи, исполненной глубочайшего презрения, он пригласил рыцарей вернуться и рискнуть еще раз потерпеть поражение от его рук. Пока же он повел свою армию в Грецию, где захватил важные опорные пункты в Фессалии и женился на еще одной христианской невесте, дочери Елены Кантакузины. Он оставил своих военачальников для продолжения кампании в Море, где мусульманские колонии заселялись турками из Анатолии. Но Афины оставались в руках христиан.

Хотя теперь византийское наследство определенно принадлежало ему, Баязид не стал сразу же пытаться завладеть им, немедленно перейдя от осады к штурму Константинополя. Его сдерживало отсутствие достаточных морских сил в то время, когда после поражения под Никополем две морские республики – Венеция и Генуя – были резко настроены против него. После открытого конфликта с генуэзцами в Пере он попытался в 1399 году войти в город с отрядом численностью десять тысяч человек, но отступил при появлении небольшой группы кораблей под командованием французского маршала Бусико. Этот человек – единственный из оставшихся в живых под Никополем, принявший вызов султана на поле боя. Он осуществил две последовательные экспедиции в поддержку генуэзцев и венецианцев, которые выходили в море навстречу ему, и вступил в первое зарегистрированное морское сражение с османами, нанеся поражение флоту Баязида в Дарданеллах и преследуя его галеры вплоть до азиатских

берегов Босфора. Прежде чем повернуть назад, он оставил в городе французский гарнизон и утвердил, в качестве соправителя Мануила, его ненавистного племянника узурпатора Иоанна.

Сам Мануил совершил вместе с маршалом путешествие в Европу в качестве просителя – тени императора, – ищущего дополнительной помощи со стороны христиан. Принятый с соответствующими императорскому сану почестями в Италии, Франции и Англии, он лелеял большие надежды, но вернулся с пустыми руками. Больше не было Крестовых походов, о которых имело бы смысл упоминать. Тем временем столица империи, блокада которой продолжалась уже шесть лет, была близка к голодной смерти. Ее жители на веревках спускались со стен и сдавались в плен османам. Имперская казна была пуста, и сдача города была уже близкой. Везде – здесь, в Морее, в Албании, в Адриатике – Баязид был готов нанести смертельный удар Византийской империи.

В самый последний момент, весной 1402 года, его планы были нарушены страшной угрозой с востока. Все военные действия были приостановлены; все войска, имевшиеся в наличии на Балканском полуострове, мусульманские и христианские, были срочно переброшены в Малую Азию. Константинополь и остатки его империи получили отсрочку. На запад двигался новый, потрясший весь мир завоеватель, подобный Чингисхану с его монгольскими ордами, прокатившимися по евразийским степям почти два века назад. Это был его потомок Тамерлан, известный также как Тимур Татарин.

Глава 5

Когда татары впервые узнали железо и даже самый сильный из них не сумел его согнуть так, как гнули другие металлы, они предположили, что оно должно содержать внутри какую-то особую, неизвестную субстанцию. Они назвали ее тимур; это означало что-то наполненное или набитое. Стало обычаем присваивать это имя их великим предводителям, тем самым признавая наличие у них каких-либо необычных сил. Среди них Тимур Татарин значился как величайший из всех Людей Железа, поскольку его целью было не что иное, как покорение мира, поскольку «если на небесах есть только один Бог, то и на Земле должен быть только один правитель».

Тимур родился в небольшом татарском племени, вождем которого стал уже в юности, правя регионом между Самаркандом и горными границами Хиндустана. Он был наделен необычной храбростью, неукротимой энергией, уникальным даром руководителя и потрясающим военным талантом. Создавая мощную армию, Тимур всегда был впереди и вел ее от одной блестящей победы к другой, чтобы стать повелителем трех империй – Персии, Татарии (с Туркестаном) и Индии. За свою жизнь Тимур истребил девять династий, чтобы править из Самарканда во имя ислама большей частью Азии.

Личная власть Тимура была абсолютной. Он правил без министров. Мускулистого телосложения, с широкими плечами, массивной головой и большим высоким лбом, с очень выразительным лицом, обрамленным густой бородой, кожа под которой была светлой, он с раннего возраста был седым. Тимур прихрамывал, то ли из-за врожденного паралича, то ли вследствие несчастного случая или полученной в бою раны. Говорили, что ему в ногу попала стрела. Поэтому его звали Тимур Хромой (Тимурленк) – и действительно, временами его недомогание становилось настолько сильным, что, как во время наступления его армии на Багдад, он был не в состоянии сидеть на лошади, и слуги несли его в паланкине. Немногословный, рьяный приверженец своей веры, строгий в представлениях о справедливости, он был мастером расчета и планирования, и, нередко в одиночестве по ночам, Тимур часами просиживал за огромной шахматной доской. Он манипулировал фигурами, вырабатывая стратегию сложных кампаний, «которые он всегда выигрывал в борьбе с любым противником». В его победоносной армии количество лошадей исчислялось шестизначной цифрой. За войском следовали стада не только верблюдов, но и слонов, животных, оказавшихся очень полезными в бою, а также использовавшихся как тягловая сила при строительстве его легендарной новой столицы – Самарканда. Отсюда в конце XIV века Тимур правил империей, которая простиралась на восток до Великой Китайской стены, на север – до российских степей, на юг – до реки Ганг и Персидского залива. На западе она включала Персию, Армению и верховья Тигра и Евфрата, иными словами, достигала границ Малой Азии. Дальше простиралась лишь другая великая мусульманская империя – Османская, – чьи завоевания при Мураде и Баязиде совпали по времени с завоеваниями Тимура. Теперь интересы двух победоносных соперничающих императоров, Тимура и Баязида, татарина и османа, столкнулись на этой границе, в регионе, где (как представлялись их характеры Гиббону) «Тимур проявлял нетерпение равного, а Баязид не был осведомлен о превосходстве».

Здесь обозначился критический момент истории, когда интересы каждого, в их соответствующих сферах, вызвали к молчаливому *modus vivendi*. Вызывает сомнение наличие у Тимура в то время каких-либо планов в отношении территории его османских соседей. Как солдат, он отдавал должное военной мощи турок. Как строитель империи, стремящийся приумножить свои владения, он все еще имел другие области для завоеваний; перед ним была открыта дорога на юг – в Сирию, Святую землю, Месопотамию и Египет. А Баязиду больше всего нужно было завершить завоевания на Балканах захватом Константинополя, который

уже был близок. Тимур видел, в чем заключаются их обособленные интересы, Баязид – нет. С одной стороны, исполненный гордости и заблуждений относительно непобедимости своей армии после десяти лет побед без единого поражения, с другой стороны, вероятно, недооценивавший силы своего соперника, Баязид своими действиями спровоцировал Тимура выступить против него.

Баязид, заняв, но не сумев ассимилировать значительную часть Анатолии, превратил в изгнанников ненавидящих его бывших правителей, стремившихся вернуть свои земли из-под власти османов и снова править своими прежними подданными, все еще сохранявшими им верность. Многие бывшие правители жили при дворе Тимура. Однако Тимур не слишком интересовался их судьбой или действиями султана до захвата турками Сиваса. Прояви тогда Баязид осмотрительность, он бы сделал этот укрепленный город оборонительным аванпостом. Вместо этого он в 1399 году использовал его в качестве опорного пункта для наступления дальше на восток, к верховьям Евфрата. Армией командовал его сын Сулейман. Там османы вступили на находившиеся под защитой Тимура территории туркменского правителя Кара Юсуфа, который попал к ним в руки.

Так впервые гнев Тимура обрушился на Баязида, и он обратился к нему (снова находившемуся в Европе) с письмом, требуя вернуть пленника. Гиббон цитирует персидского историка Шерефеддина: «В чем причина твоего высокомерия и безрассудства? – спрашивал Тимур султана. – Ты провел несколько сражений в лесах Анатолии: ничтожные трофеи». Далее он, один из главных поборников ислама, обращаясь к другому, пишет: «Ты одержал несколько побед над христианами в Европе; твой меч был благословлен апостолом Бога; и твои следования заповеди Корана в войне против неверных есть единственное соображение, которое удерживает нас от разрушения твоей страны, границы и оплота мусульманского мира». В заключение Тимур предупреждает: «Вовремя прояви мудрость; подумай; раскайся и предотврати удар грома нашего возмездия, которое все еще висит над твоей головой. Ты не больше чем муравей; зачем ты дразнишь слонов? Увы, они растопчут тебя под ногами».

Баязид предпочел отнестись к этому и последующему посланиям с презрением: «Твои армии бесчисленны, пусть так; но что такое стрелы твоих стремительных татар ятаганов и боевых топоров моих непоколебимых и непобедимых янычар? Я буду охранять князей, которые искали моего покровительства. Ищи их в моих шатрах. – Он закончил послание оскорблением, более интимным по своему характеру: – Если я побегу от твоего оружия, пусть мои жены будут трижды отрешены от моего ложа; но если у тебя не хватает мужества встретиться со мной на поле битвы, желаю тебе снова принять своих жен после того, как они трижды окажутся в объятиях чужестранца».

Послания Тимура Баязиду, каким бы ни было их содержание, по форме были дипломатическими. Татарин следовал общепринятому обращению между двумя равными по положению людьми, ставя их имена рядом. Теперь Баязид намеренно отбросил всякую дипломатию, написав свое имя большими золотыми буквами, а имя Тимура – под ним маленькими черными буквами. На это явное рассчитанное двойное оскорбление, одновременно личное и дипломатическое, мог быть только один ответ.

Тимур немедленно занял поле напротив Сиваса. Сулейман, который располагал только небольшим отрядом конников, направил отцу, находившемуся в Фессалии, просьбу о подкреплении, но не получил ответа. Тогда он предпринял смелую вылазку, но, обнаружив, что противник имеет большое численное преимущество, ушел из города. Тимуру потребовалось восемнадцать дней, чтобы подорвать укрепления города и осуществить его захват, после чего он похоронил в крепостных рвах несколько тысяч наиболее стойких его защитников, которыми были армянские христиане. Затем, вместо того чтобы продолжать движение в Малую Азию, он направился на юг, захватив один за другим Алеппо, Дамаск и Багдад, который разрушил до основания, соорудив пирамиды из отрезанных голов его защитников. Только осенью 1401

года Тимур вернулся к границам Малой Азии. Здесь он остановился на зимний период, намереваясь решить, стоит или нет возобновлять атаку на Османскую империю.

Удивительно, но тем временем Баязид ничего не сделал для того, чтобы надлежащим образом встретить такую угрозу. Потеря Сиваса была первым обрушившимся на него серьезным ударом после ряда легких побед над мелкими правителями в Европе и Азии, унижительным результатом первой схватки с действительно грозным противником. Впервые встретив равного себе, Баязид казался парализованным, ошеломленным поражением и медленно реагировал на кризис, с которым теперь столкнулся. Несомненно, его физическое состояние и умственные возможности были подорваны усиливавшейся тягой к пьянству и разгульной жизни. Тимур, отсутствовавший более года после захвата Сиваса – он вел кампанию в Сирии и Месопотамии, – оставил свой армянский штаб открытым для нападения, аналогичного тем, что принесли Баязиду имя Удар Молнии. Но только гром больше не гремел, да и молнии не сверкали. Баязид, не выказывая обычной быстроты решения или действия, не нанес Тимуру удара возмездия и даже не попытался умиротворить его. Куда делась решимость, военное и дипломатическое искусство, которые принесли ему победу в Европе?

Летом 1402 года Тимур наконец принял решение выступить на Баязида. Теперь союза с ним против османов искали генуэзцы и другие силы христианской Европы. После захвата Сирии он больше не был склонен поддерживать солидарность с другими исламскими державами. Поэтому он и двинул свою победоносную армию на запад, к Сивасу. Только теперь, почти два года спустя после первоначальной потери города, Баязид заставил себя отказаться от осады Константинополя и перебросить основную часть своей армии в Азию. В страшную жару середины лета он выступил из Бурсы, по выжженному солнцем, безводному Анатолийскому плато к крепости Ангора, расположенной в самом сердце страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.